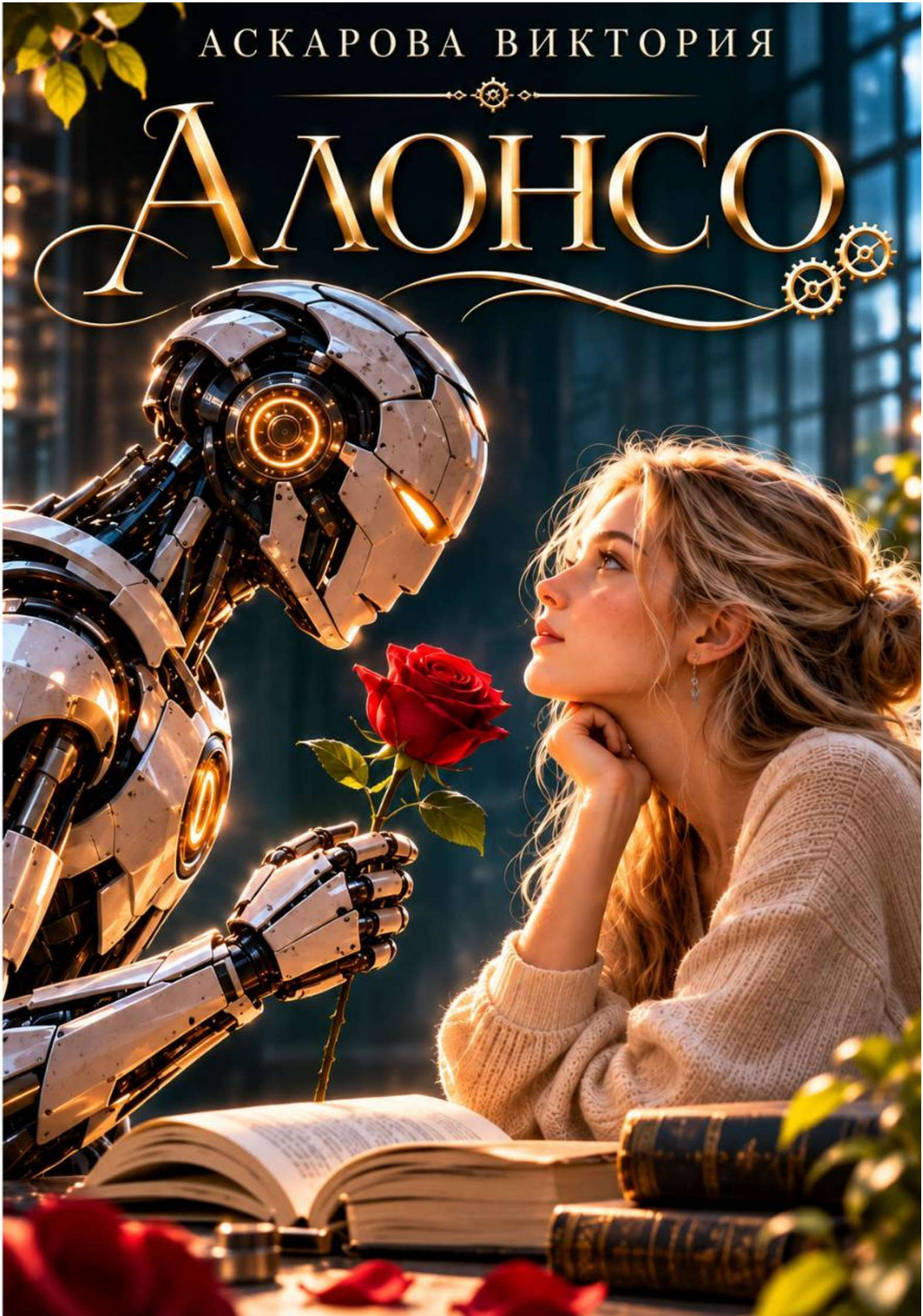
АСКАРОВА ВИКТОРИЯ

Алонсо



Виктория Аскарова

Алонсо

«Автор»
2026

Аскарова В. С.

Алонсо / В. С. Аскарова — «Автор», 2026

Может ли машина научиться любить? И что на самом деле делает нас людьми?Алонсо — высокотехнологичный робот, созданный в лаборатории талантливых учёных. Он способен мыслить, учиться и принимать решения. Но никто не предполагал, что однажды он начнёт задавать вопросы, на которые не существует готовых ответов.Вивьен — девушка, мечтающая стать писательницей. Их неожиданная встреча меняет привычный мир обоих.Постепенно Алонсо открывает для себя человеческие чувства, дружбу, привязанность и любовь. Но в мире, где роботы считаются лишь собственностью своих создателей, право чувствовать и выбирать может оказаться опаснее любого технического сбоя.Сможет ли искусственный разум обрести настоящую свободу? И способно ли сердце, созданное из металла, любить сильнее человеческого?«Алонсо» — фантастический роман о любви, свободе выбора и границе между человеком и машиной.

© Аскарова В. С., 2026
© Автор, 2026

Виктория Аскарова
Алонсо

АЛОНСО
Аскарова Виктория
Роман

СОДЕРЖАНИЕ
01. Промышленная фабрика дедушки Вутса 4
02. Neuro-soul-X 27
03. Салли и Сэм 46
04. Человеческие мелочи 59
05. Сотворение Алонсо 71
06. Фабрика скрепок 85
07. Неподдающийся 103
08. Право на личную жизнь 126
09. Если бы ты был человеком… 174
10. Цена свободы 202
11. Золотая клетка 216
12. Званый ужин 232
13. Молчание Сэма 254
14. Последний приказ 269
15. То, что нельзя починить 290
16. Там, где рождаются чувства 302
17. Свидание не по плану 313
18. Гость из прошлого 333
19. Цена возвращения 341
20. Неназванное имя 348
21. Одна красная роза 357
22. Последняя ночь Салли 365
23. Цена приказа 376
24. Право выбирать 384
25. Отпустить 393
26. Алонсо 402

Глава 1

Промышленная фабрика дедушки Вутса

— В нём была жизнь, и жизнь была в человеке. Ибо Ты Бог, и нет иного Бога, и нет подобного Тебе. У Тебя нет мёртвых, у мёртвых нет живых, потому что все живы. Не дай мне, Господи, свернуть с пути верного, прости прегрешения вольные и невольные. Вразуми, просвети и направь на путь спасения. Ибо мы все дети Твои. Аминь.

В тишине комнаты Энн стояла на коленях перед старинной иконой, покрыв голову скромным платком. Её лицо, обычно полное заботы и нежности, было сосредоточено, пронизано тихой мольбой. Рядом с ней маленький Джеффри, её сын, с детским любопытством наблюдал за таинственным ритуалом, который повторялся каждый день. Малыш был ещё слишком мал, чтобы полностью понять суть молитвы, зато он чувствовал искренность материных слов.

Закончив молитву, Энн повернулась к Джеффри. Его доверчивые глаза встретили её взгляд. Мальчик задал вопрос, который давно его волновал:

— Почему ты это делаешь? Ты молишься каждый день.

Его детский голос нарушил тишину. Энн улыбнулась, погладила его по волосам и ответила просто, с нежностью:

— Это молитва, Джеффри. Мы молимся, чтобы Господь нас услышал. Просим Его о помощи, защите и верном пути в нашей жизни. Благодарим Его за всё хорошее и просим прощения за свои ошибки.

Каштановые волосы средней длины обрамляли бледное, немного уставшее лицо Энн. Для выхода из дома Энн обычно выбирала любимое бордовое пальто из буклированной ткани. Оно мягко облегало её фигуру, подчёркивая хрупкость, а широкий пояс выделял тонкую талию. Большой воротник, словно защитный кокон, придавал образу некоторую замкнутость. Дополняли наряд чёрные высокие сапоги на устойчивом каблуке и элегантные лакированные перчатки того же цвета. На плече висела неизменная чёрная сумка с замысловатым узором на клапане и тонкой золотистой цепочкой — единственная, пожалуй, роскошь, которую Энн позволяла себе. Большие тёмные солнцезащитные очки скрывали глаза, словно оберегая от слишком яркого света или, возможно, от пристальных взглядов.

За этой внешней сдержанностью и аккуратностью скрывался мягкий и покладистый характер. Энн всегда старалась избегать конфликтов, предпочитая молчание бурному выяснению отношений. Она словно растворялась в окружающем мире, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. Такая покорность, возможно, была вызвана годами жизни с Джошуа, за которого она вышла замуж в совсем юном возрасте — восемнадцать лет. Тогда это казалось ей настоящей любовью, историей, достойной романтических романов. Сейчас же, оглядываясь назад, Энн понимала, что Джошуа, скорее всего, искал не жену, а послушную домохозяйку, которая безропотно возьмет на себя все бытовые заботы. Джошуа считал, что жена должна быть «тенью» своего мужа.

Но даже осознание этого факта не вызывало в Энн горечи или обиды. Она так долго убеждала себя в любви Джошуа, что эта иллюзия стала для неё своеобразной защитой от реальности. Годы шли, а детей у пары всё не было. Это обстоятельство, которое могло бы разрушить многие браки, парадоксальным образом ещё больше укрепило убеждённость Энн в любви мужа. «Джошуа любит меня, раз он до сих пор со мной», — шептала она себе, заглушая шепоток сомнений, который иногда прорывался сквозь тщательно выстроенную стену самообмана. Рождение долгожданного Джеффри стало для Энн одновременно и величайшей радостью, и началом конца её семейной жизни.

Материнство, которое она так долго ждала, оказалось для неё своеобразным «списанием в утиль», как она сама это называла. Джошуа, не найдя в себе сил и желания справляться с новыми обязанностями и переживаниями, связанными с появлением ребёнка, нашёл себе девушку помоложе и без сожалений ушёл из семьи.

Джеффри впервые сказал слово: «Мама», когда ему исполнилось 5 лет. Энн не сразу поняла, что с ребёнком «что-то не так».

"Он играет как-то не так," — бросила невзначай родственница, наблюдая за Джеффри. Эта фраза, словно заноза, застряла в голове Энн. Она и сама замечала особенности в поведении сына, но списывала их на характер. Но слова родственницы заставили её внимательнее присмотреться к Джеффри. Он действительно играл "не так", как другие дети. Джеффри предпочитал одиночество, погружаясь в свой собственный мир. Игры с другими детьми его не интересовали, он словно не замечал их присутствия. Свои игрушки он расставлял в строго определенном порядке, выстраивая сложные конструкции, понятные только ему одному. Малейшее изменение в этом порядке, случайное прикосновение к его "миру" вызывали бурную реакцию.

Джеффри начинал кричать, плакать, биться головой, словно пытаясь вернуть утраченный контроль над ситуацией. Он не мог объяснить словами, что его так расстраивает, его отчаяние выражалось в этих неконтролируемых вспышках. Тогда Энн впервые записала ребенка к врачу.

Мир для маленького Джеффри был полон острых углов, режущих звуков и ослепляющего света. Обыденные вещи, которые другие дети воспринимали как должное — шелест листьев, прикосновения, яркие игрушки — для него были источником невыносимого дискомфорта. Врачи говорили об аутизме и задержке развития. Энн воспринимала каждое непривычное медицинское слово как приговор. Слова «мама» из его уст прозвучали как чудо, долгожданный проблеск света в густом тумане, окутывающем его сознание. До этого момента его общение с миром ограничивалось невнятным мычанием и указательными жестами. Он не играл со сверстниками, словно невидимая стена отделяла его от шумной детской компании. Энн с болью в сердце наблюдала за своим сыном.

Она отчаянно пыталась проникнуть в его замкнутый мир, понять, что он чувствует, о чем думает, чего хочет. Какие игрушки купить, чтобы вызвать на его лице хоть тень улыбки? Что сделать, чтобы помочь ему преодолеть этот барьер? Джеффри мог часами, не отрываясь, разглядывать одну и ту же машинку, словно пытаясь разгадать какую-то сложную головоломку. Затем он мог так же долго играть с ней, совершая одни и те же повторяющиеся движения. Энн понимала, что это не просто игра, а способ Джеффри взаимодействовать с миром, найти в нем хоть какую-то точку опоры. Это был его ритуал, его островок безопасности в океане хаоса.

Однажды на детской площадке, куда Энн привела Джеффри в надежде на хоть какое-то взаимодействие с другими детьми, к ним подошла женщина, гулявшая со своим ребенком. — Эй, привет, Джеффри! — бодро произнесла она.

Джеффри, поглощенный созерцанием камушка, даже не взглянул в её сторону.

— Эм… он ещё не говорит, — тихо пояснила Энн, чувствуя, как в ней поднимается волна привычной тревоги.

— Что? Он же уже взрослый! Он должен говорить! — воскликнула женщина с ноткой неодобрения в голосе. Она присела на корточки и попыталась взять Джеффри за руку, но мальчик резко отдернул руку и ударил её. Для него прикосновение незнакомого человека было подобно удару тока. — Посмотри на меня, Джеффри! — женщина, не понимая причин его поведения, схватила его за руку и крепко сжала, не давая вырваться. — Скажи: "Мама"! А ну, повтори: "Мама"!

Джеффри, испуганный и загнанный в угол, укусил её за руку и, вырвавшись, со всех ног бросился прочь с детской площадки. Энн, сгорая от стыда и отчаяния, побежала за ним. Она знала, что реакция Джеффри была вызвана не агрессией, а страхом и непониманием. Он не умел по-другому выразить свой протест против вторжения в его хрупкий мир. Энн чувствовала себя беспомощной перед лицом непонимания окружающих и сложности заболевания своего сына.

Джеффри мог подолгу, иногда до получаса, неподвижно смотреть в одну точку, словно завороженный чем-то невидимым для других. Затем, так же внезапно, переводил взгляд и замирал, уставившись на другой объект. Эта особенность, вкупе с частыми синяками на лбу мальчика (Джеффри имел привычку биться головой о стену в моменты эмоционального напряжения), вызывала беспокойство у соседей. Они шептались за спиной Энн, подозревая её в жестоком обращении с ребёнком. Однажды дело дошло даже до вызова полиции, что стало для молодой матери настоящим потрясением.

В один из пасмурных дней, когда Энн особенно остро ощущала груз непонимания и одиночества, к ней заглянула подруга Норма. За чашкой горячего чая, среди аромата имбирного печенья, Норма, как всегда, щебетала о последних новостях.

— Помнишь ту улицу в Нью-Эдингрусс? ну… там рядом есть магазин, где я мерила то кашемировое пальто, я тебе говорила, помнишь? — начала Норма, характерно жестикулируя.

— Так вот, миссис Лойс ездила туда на прошлой неделе. Там на этой же улице живет ясновидящая! Ох, какая крутая женщина! Глаза Нормы заблестели от восторга. Она с жаром продолжала свой рассказ, перескакивая с одной детали на другую: — Она и на картах гадает, и обряды проводит, и с духами общается, и людей исцеляет! Миссис Лойс рассказывала, что как-то раз спрятала деньги у себя в доме, а куда — не помнит. Так вот эта гадалка ей и нагадала, что деньги лежат в её комнате, в комоде с нижним бельем. Миссис Лойс, придя домой, сразу же рынулась искать. И нашла, представляешь?

Энн слушала, затаив дыхание. История с найденными деньгами, конечно, впечатляла, но в голове роились мысли о Джеффри. Норма, заметив задумчивость подруги, продолжила свой рассказ, словно подливая масла в огонь любопытства: — А потом… У миссис Лойс той зимой начались жуткие головные боли. Врачи сказали — мигрень. Никакие таблетки не помогали, ничего… Сходила три раза к этой целительнице, и мигрень как рукой сняло, представляешь?

Норма ещё долго и красочно рассказывала о сверхъестественных способностях этой «чудо-женщины», о людях, которым она помогла, о невероятных исцелениях и предсказаниях. С каждым словом Нормы надежда в сердце Энн разгоралась все сильнее. Хуже ведь все равно не будет, — подумала Энн. Она была готова испробовать всё, лишь бы помочь своему сыну. И пусть даже это будет обращение к силам, которые наука не может объяснить.

Энн усмехнулась, глядя на билет на автобус, отправляющийся в Нью-Эдингрусс через три часа. Три часа тряски в душном автобусе — это только начало. Потом метро, переходы, толпы людей, и, как вишенка на торте, двадцать минут пешком. Энн представляла, как её новые туфли натрут ноги задолго до того, как она доберется до Нью-Эдингрус. Как хорошо, что Энн целеустремленная!

На табличке у двери значилось: «Ясновидящая». Энн глубоко вздохнула и постучала. Дверь со скрипом отворилась, и на пороге появилась женщина с проницательным взглядом и длинными седыми волосами, заплетенными в толстую косу. В её глазах мерцали странные огоньки, а вокруг витал едва уловимый аромат трав и дыма. Не говоря ни слова, женщина жестом пригласила Энн войти. Внутри дом оказался удивительно уютным, несмотря на скромную обстановку. По стенам висели пучки сухих трав, на полках стояли разноцветные бутылочки и баночки с непонятным содержимым. В центре комнаты располагался небольшой круглый стол, покрытый темной скатертью. Женщина указала Энн на стул и, пристально глядя ей в глаза, начала говорить.

— ОО, я вижу! Вижу! — театрально провозгласила гадалка, закрыв глаза и начав водить руками над хрустальным шаром. Её голос был низким и хриплым, с нотками загадочности. Энн затаила дыхание, впившись взглядом в шар, пытаясь разглядеть то, что видела гадалка. Но там, в глубине кристалла, были лишь причудливые переливы света. Гадалка продолжала свой таинственный ритуал, бормоча что-то неразборчивое. Энн не могла понять, что она видит, какое будущее открывается перед ней. Напряжение нарастало.

— Нет. Ничего не вижу! Пусто! — внезапно заявила гадалка, резко открыв глаза. Сердце Энн упало. Неужели даже эта последняя надежда оказалась ложной?

— Пожалуйста, посмотрите ещё раз! — умоляюще произнесла Энн, протягивая гадалке несколько купюр. Гадалка шустро, почти незаметным движением, засунула деньги в бюстгальтер и снова обратила свой взор на хрустальный шар.

— ОО, кажется, я что-то вижу. Мутно…всё мутно…Туман… — протянула она, снова начиная водить руками над шаром. — Вижу мальчика, он идёт по пустыне. Он один. А нет, с ним кто-то есть…Кто же это? Её голос стал тихим и таинственным, будто она передавала послание из другого мира.

— Что? Что там? — с замиранием сердца спросила Энн, боясь упустить хоть слово. Гадалка замолчала, сосредоточенно всматриваясь в шар. В комнате повисла напряженная

тишина, нарушаемая лишь тиканьем старинных часов на стене. Энн с нетерпением ждала ответа, её взгляд был прикован к лицу гадалки.

— Ничего не вижу, — отрезала гадалка, резко прерывая молчание. — Приходите через неделю. Возможно, тогда туман рассеется.

Энн, как и сказала провидица — пришла через неделю. Ясновидящая сказала, что Энн нужно купить три свечи: одну красную, зеленую и синюю. Красная — для здоровья, зеленая — для надежды, синяя — для защиты. Ночью в полнолуние нужно зажечь эти свечи, поставить посередине бутылку с чистой родниковой водой и прочитать специальный заговор. Слова заговора женщина написала на листке бумаги, передав его Энн. Каждый день по три глотка Джеффри должен пить из этой заговоренной воды. «Делай как я сказала, сын вылечится», — уверенно произнесла прорицательница, в её глазах мелькнул странный блеск. Энн, не раздумывая, согласилась.

Энн вернулась домой с необходимыми атрибутами. В ночь полнолуния, следуя инструкциям ясновидящей, она зажгла свечи, поставила посредине бутылку с водой и, дрожащим голосом, начала читать заговор. Пламя свечей плясало на стенах, отбрасывая причудливые тени, а слова заговора, казалось, наполняли комнату магической энергией. Каждый день Энн давала Джеффри пить заговоренную воду. Она неотступно следила за каждым глотком, вкладывая в этот ритуал всю свою любовь и надежду. Прошла неделя, вторая… И вдруг, одним солнечным утром, Джеффри произнес свое первое слово. Сначала тихо, неуверенно, а потом все громче и четче.

Точно не известно, то ли гадалка, то ли хорошие врачи, к которым продолжала водить сына Энн, то ли регулярные занятия с логопедом, то ли все вместе помогли Джеффри. А может быть, это было просто совпадение. Но одно было несомненно: Джеффри заговорил, и для Энн это было настоящим чудом.

С тех пор Джеффри перестал быть обычным ребенком. Он превратился в маленького исследователя, впитывающего информацию как губка. Дни, проведенные за изучением букв и цифр, сменились увлечением сложными головоломками и научными книгами. Он с легкостью усваивал новые знания, словно его мозг был создан для непрерывного обучения. В пять лет он произнес свое первое слово, а уже в семь лет свободно читал книги, погружаясь в увлекательные миры приключений и фантастики. Он проводил часы в библиотеке, жадно поглощая знания из самых разных областей. От истории и географии до математики и астрономии — интересы Джеффри не знали границ.

Но тем не менее, все считали его чудаковатым, не от мира сего. «Ребенок со странностями».

— Ну хорошо, собирайся скорее! Дедушка ждёт тебя ещё со вчерашнего дня! — сказала Энн, энергично расправляя плечи Джеффри и небрежно натягивая на его голову нелюбимую шапку. Шапка была шерстяная, серого цвета, с неуклюжим помпоном, который постоянно сползал на глаза. Мальчик, Джеффри, попытался её снять, но Энн, пригрозила пальцем. Её лицо, обычно добродушное, стало серьёзным.

— Будешь плохо себя вести на фабрике, больше никогда не отпущу тебя туда! Эта угроза действовала безотказно. Джеффри, девятилетний непоседа с вечно грязными коленками и любопытством, с которым можно было легко сравнить буйство стихии, мгновенно послушно кивнул. Мысль о том, что он может пропустить поездку на фабрику дедушки Вутса, заставила его сердце сжаться от ужаса. Дедушка Вутс — это был целый мир для Джеффри. Не просто дедушка, а волшебник, создающий невероятные вещи из металла и пара. Его фабрика, расположенная на окраине города, представлялась Джеффри завораживающим местом, полным шума, сверкающих искр и загадочных механизмов. Он целую неделю просил маму свозить его туда, рисуя в своём воображении гигантские станки, работающие с оглушительным грохотом,

и блестящие горы готовых изделий. Мама, занятая своими делами, долго откладывала поездку, но наконец, уступила настойчивым просьбам Джеффри.

Они вышли из дома. Утро было солнечным, воздух свежим и чистым, в отличие от запаха машинного масла и металла, который, как Джеффри представлял себе, должен витать над фабрикой. Они сели на автобус под номером 17, тот самый, который проезжал мимо старого парка с вечнозелёными соснами и шумливым ручьём. Джеффри прильнул к окну, наблюдая, как городская суета меняется за окном на спокойствие пригорода. Он с нетерпением ожидал момента, когда автобус свернёт на улицу, ведущую к фабрике. Поездка показалась ему бесконечно долгой, хотя на самом деле заняла всего лишь двадцать минут. Наконец, автобус остановился рядом с высоким, серым зданием, из труб которого вырывались струйки белого пара. Это была фабрика дедушки Вутса.

Она выглядела не такой сказочной, как в воображении Джеффри, но всё равно вызывала чувство волнения и восторга. Здание было огромным, с множеством окон, через которые пробивался яркий свет. Воздух действительно пах металлом и машинным маслом, но этот запах казался Джеффри привлекательным, он пах приключениями. Энн, держа Джеффри за руку, вела его через широкие ворота на территорию фабрики. Там шумели машины, сверкали искры, рабочие в серых комбинезонах спешили по своим делам. Джеффри рассматривал всё с нескрываемым удивлением. Дедушка Вутс встретил их у входа в главный цех. Он был старым, но бодрым человеком с добрыми глазами и руками, постоянно замасленными и чёрными от работы.

Джеффри, девятилетний мальчик с пытливым умом и жаждой познания, впервые переступил порог огромной фабрики своего дедушки — места, где оживали стальные гиганты и рождались автомобили. Воздух гудел от ритмичного гудения конвейеров, блеск хромированных деталей ослеплял глаза, а размеренная работа сотен роботов создавала ощущение упорядоченного хаоса. Для Джеффри это было настоящим волшебством, миром, полным чудес и загадок, которые он жаждал разгадать. Каждый визит на фабрику дедушки Вутса становился для Джеффри увлекательным приключением.

Дедушка, опытный инженер с добрыми глазами и седыми висками, с удовольствием делился с внуком своими знаниями, показывая все этапы сложного процесса сборки автомобилей — от сварки кузовов до финальной полировки. Он объяснял принципы работы конвейера, рассказывал о тонкостях механики, рассказывал о том, как из бесформенных деталей рождаются мощные машины. Джеффри с замиранием сердца наблюдал за работой гигантских роботизированных рук, которые с невероятной точностью выполняли свою работу, казалось, без устали и ошибок. Однажды, наблюдая за плавными движениями роботов, которые с удивительной ловкостью устанавливали детали двигателя, Джеффри не выдержал и задал вопрос, который долго его волновал:

— «Дедушка, а как роботы понимают, что им нужно делать? У них что, есть мозги?» Дедушка Вутс улыбнулся, присел рядом с внуком и, глядя ему в глаза, начал объяснять:

— «Роботы, мой дорогой Джеффри, — это сложные устройства, запрограммированные на выполнение определенных физических задач. Они не думают в том смысле, как думаем мы, люди. У них нет собственного сознания или чувств. Вместо мозга у них есть специальные процессоры и программное обеспечение, своеобразная инструкция, которая указывает им, что и как делать».

Джеффри задумался. Он представил себе длинные строки кода, запутанный лабиринт инструкций, управляющих движениями этих стальных гигантов.

— «Вы что… их запрограммировали?» — удивился Джеффри, его глаза широко распахнулись от изумления. «Да, — ответил дедушка Вутс, — мы, инженеры, создаём эти программы, как будто пишем сценарий для сложной пьесы. Каждое действие робота, каждое его движение — это результат выполнения определенных команд. И именно благодаря этому роботы способны выполнять задачи быстрее, точнее, чем люди. Они не устают, не болеют, не нуж-

даются в отдыхе. Более того, они позволяют выполнять опасные и тяжелые работы, которые были бы слишком рискованны для человека». Дедушка продолжил свой рассказ, объясняя, как роботы оснащены различными сенсорами — датчиками давления, температуры, расстояния, — которые позволяют им «чувствовать» окружающую среду и корректировать свои действия в соответствии с ней. Он показал Джеффри на примере, как робот, используя датчики, точно позиционирует деталь, избегая столкновений с другими элементами на конвейере. Джеффри был поражен сложностью и точностью работы роботов. Он увидел, что за внешней простотой их действий скрывается невероятная технологическая мощь, результат труда многих умных и талантливых людей. Он понял, что роботы — это не просто машины, а сложные инструменты, помогающие людям решать сложные задачи и создавать новые вещи. С тех пор, каждый визит Джеффри на фабрику дедушки становился не просто прогулкой, а настоящим уроком инженерного искусства. Он наблюдал за роботами не просто как за механизмами, а как за помощниками, которые, благодаря человеческому гению, делают мир лучше и эффективнее. Фабрика дедушки превратилась для него в источник вдохновения и зарядила его желанием изучить мир технологий подробнее. Он понял, что за каждой блестящей деталью скрывается сложный мир программ, алгоритмов и человеческого гения. И это было действительно завораживающе.

Фабрика, возглавляемая его дедушкой талантливым инженером Харри Вутсом, представляет собой впечатляющий пример передового автоматизированного производства. Этот высокотехнологичный комплекс, является одним из лучших образцов эффективности и инноваций в автомобильной промышленности. Впечатляющий масштаб автоматизации и стремление к совершенству делают эту фабрику поистине уникальным предприятием. В основе производственного процесса лежат передовые технологии и роботизированные системы. Ключевым элементом является использование роботов японской модели RIG-107, которые составляют основу большинства производственных линий.

Однако, недавнее приобретение 600 новых роботов Нейро-МодХ3 знаменует собой новый этап развития фабрики, выводя её на уровень ещё большей производительности и точности. Харри Вутс, вдохновленный амбициозными планами, мечтает превратить свою фабрику в нечто большее, чем просто завод — в высокотехнологичный комплекс, напоминающий по своей структуре и эффективности корабль инопланетян, символ футуристического производства. Процесс создания корпуса электромобиля поражает своей сложностью и отлаженностью. Всё начинается с огромных катушек алюминия, которые с хирургической точностью разрезаются на листы роботами RIG-107. Затем, с помощью лазерной резки, из этих листов вырезаются детали необходимой формы для будущего кузова.

Полученные заготовки отправляются под мощный пресс, сила которого превышает 1000 тонн, где они прессуются в крылья автомобиля. Важно отметить, что несмотря на высокую степень автоматизации, контроль качества на этом этапе осуществляется опытными специалистами, тщательно проверяющими каждый элемент на наличие дефектов — людьми.

После этого, алюминиевые и стальные части собираются роботами в цельный корпус. Здесь на первый план выходят новые роботы Нейро-МодХ3. До двенадцати таких роботов могут одновременно работать над одним автомобилем, обеспечивая высокую скорость и точность сборки. Сверхточные 3D-камеры помогают роботам безошибочно выполнять сложные операции сверления и сварки, гарантируя высочайшее качество соединения деталей. Завершённый корпус отправляется на следующий этап — в комнату с покрасочными роботами, где он приобретает свой окончательный внешний вид. Установка окон, крыши и двери также автоматизирована, выполняется специальными машинами. Только финальная установка мелких деталей остается за людьми.

Промышленные роботы — это не просто машины, это ключевой элемент современной индустриальной революции. Их способность выполнять работы быстро, точно и без ошибок, освобождая человека от монотонной и опасной работы, кардинально меняет облик производ-

ственных процессов, делая их значительно эффективнее. С каждым годом количество промышленных роботов неуклонно растёт, и их функциональность постоянно расширяется, осваиваются новые сферы применения и специализации. Можно сказать, что они представляют собой высокоразвитую форму автоматизации, выходящую далеко за рамки обычных автоматов. История развития промышленных роботов — это история постоянного совершенствования.

Первые промышленные роботы, подобные тем, которые описывались, например, в рассказах дедушки Вутса, выполняли лишь простейшие операции: захват и перемещение объектов. Эти ранние модели были достаточно ограничены в своих возможностях, повторяя одни и те же действия снова и снова. Однако, с развитием технологий, особенно в области компьютерного зрения, искусственного интеллекта и машинного обучения, промышленные роботы совершили невероятный скачок в своих возможностях. В основе современных промышленных роботов лежат сложные алгоритмы и нейронные сети.

Эти системы позволяют роботам анализировать поступающую информацию из множества источников — датчики, камеры, системы управления — сравнивать её с обширной базой данных, накопленной в процессе обучения и эксплуатации, и принимать решения о наиболее эффективных действиях. Это открывает перед промышленными роботами невероятные перспективы. Они могут адаптироваться к меняющимся условиям работы, обрабатывать нестандартные ситуации и выполнять задачи, которые ранее были недоступны автоматизации.

Образ промышленных роботов был практически единообразен: шестиосевая роботизированная рука, напоминающая механическую руку человека, способная выполнять разнообразные операции с неимоверной точностью и скоростью. Эта кажущаяся простота скрывает сложный механизм, позволяющий достичь невероятной маневренности. Шести степеней свободы достаточно, чтобы позиционировать инструмент в любой точке рабочей зоны, достижимой манипулятором, под любым необходимым углом. Такая конструкция оптимальна для большинства задач на конвейерных линиях и в других производственных средах. Но что делает эту "робо-руку" такой универсальной? Секрет заключается в кинематической структуре.

Каждый сустав робота представляет собой вращательный или поступательный привод, обеспечивающий определенную степень свободы движения. Сочетание шести таких приводов позволяет роботу достигать практически любой ориентации и положения в трехмерном пространстве. Эта гибкость позволяет использовать одного и того же робота для различных операций: от сварки и сборки до укладки и контроля качества. Конечно, необходимые инструменты при этом меняются — сварочный аппарат сменяется шуруповертом или камерой контроля.

Однажды Джеффри, с вечно пыльными коленками и любопытством, горящим в карих глазах, пришёл на фабрику к своему дедушке. Воздух здесь пах маслом, металлом и чем-то сладковатым, непонятным, но уютным — запахом работы и старых механизмов. Сегодня дедушка, крупный мужчина с морщинистым лицом, излучающим доброту и усталость одновременно, тестировал новый промышленный аппарат — гигантский манипулятор, похожий на металлического осьминога с множеством гибких конечностей. Машина двигалась плавно, точно и мощно, захватывая детали с невероятной точностью. Джеффри, затаив дыхание, наблюдал за этим механическим чудом, его глаза расширились от восхищения. Стальные пальцы манипулятора перебирали детали с точностью опытного сборщика.

— Нравится? — спросил дедушка, заметив пристальный взгляд внука. Он улыбнулся, и морщины вокруг его глаз стали ещё глубже, словно карты старой, интересной жизни. Джеффри кивнул, не отрывая взгляда от работающего механизма. Молчание длилось несколько мгновений, прерываемое только тихим гудением и шелестом двигателей. Затем, неожиданно для дедушки, Джеффри задал вопрос, который заставил старика задуматься:

— Дедушка, а кто умнее, человек или робот? Дедушка, немного опешив от неожиданности, оторвал взгляд от аппарата и посмотрел на внука. В его глазах, обычно сияющих спокойствием, мелькнуло что-то похожее на глубокую задумчивость.

— Люди — умнейшие существа на Земле! — сказал он наконец, голос его звучал немного торжественно. — Мы слабее медведя, медленнее гепарда, мы не можем летать, как птицы, или плавать, как дельфины. Но мы — умнее! Мы создаём инструменты, которые помогают нам преодолевать наши физические ограничения. Мы строим города, пишем книги, сочиняем музыку, исследуем космос. Все это — плод нашего интеллекта, нашей способности мыслить абстрактно, решать сложные задачи, придумывать новые идеи. Это то, что отличает нас от всех остальных живых существ.

— Получается, что роботы никогда не смогут писать песни, книги, и рисовать картины? — спросил Джеффри

— Да! Робот на такое не способен! — ответил дедушка Вутс, его голос был низким и бархатистым, словно старый, хорошо настроенный инструмент. — У робота нет эмоций, нет души! Робот не умеет любить, как человек. Он не способен к тому глубокому, внутреннему чувству, которое заставляет художника передать на холсте закат, поэта — воспеть красоту природы, а писателя — создать мир, наполненный живыми, чувствующими героями.

Джеффри, задумавшись, почесал затылок. Он понимал, что дедушка прав, но его собственный ум уже зацепился за более глубокую и тревожную идею.

— Дедушка, а что случится, если появится кто-то умнее нас? — спросил он, взгляд его стал серьёзным и настороженным, не совсем детским. Этот вопрос застал дедушку врасплох. Он замолчал, поглаживая свою седую бороду. Его взгляд устремился вдаль, за стены фабрики, в будущее, полное неопределенности. Лицо его приняло задумчивое выражение. — Очень трудно предположить, что произойдёт в этом случае, Джеффри, — ответил он наконец, голос его стал тихим, почти шёпотом. — Это сложный вопрос, на который нет простого ответа. Но я бы не хотел, чтобы это случилось. Мы должны помнить, что наша сила не только в нашем интеллекте, но и в нашей способности сопереживать, любить, творить. И если появится кто-то умнее нас, мы должны надеяться, что он будет обладать и этими качествами.

Джеффри поражал окружающих своим острым умом и недюжинными способностями. Он был настоящим гением, и это было очевидно всем, кто его знал, начиная с его любящего дедушки Вутса. Дедушка, сам будучи выдающимся инженером, разглядел в Джеффри искру гениальности и старался всячески развивать его способности. Джеффри с лёгкостью усваивал все знания, которые ему передавал дедушка, словно губка, впитывая информацию. Его математический склад ума был поразителен. Сложнейшие задачи, алгоритмы и уравнения, которые ставили в тупик многих сверстников, Джеффри решал с поразительной легкостью и скоростью, наслаждаясь самим процессом решения. Школьные годы Джеффри были отмечены успехами.

Он был одним из лучших учеников, регулярно участвовал в олимпиадах по математике и программированию, завоевывая призовые места. Его тяга к знаниям была неутолима. Он с жадностью читал книги, отдавая предпочтение научной литературе, особенно занимавшей его тематике нейросетей, программирования и созданию сложных алгоритмов. Его любознательность и стремление к познанию были поистине впечатляющими. Он не просто читал, он анализировал, экспериментировал и пытался применить полученные знания на практике. Когда Джеффри поступил в колледж, его интеллектуальный потенциал раскрылся ещё ярче. Обучение в колледже дало ему новые знания и возможности.

Он углубил свои знания в области робототехники и автоматизации, что особенно заинтересовало его на фоне семейного бизнеса. Его всегда завораживали сложные механизмы, и он мечтал создать что-то действительно инновационное, что-то, что изменит мир. Однако, даже блестящее образование не могло полностью удовлетворить его стремление к совершенствованию. Джеффри понимал, что хочет большего, чем просто применять уже существующие тех-

нологии. Он хотел создать что-то новое, уникальное, что-то, что станет его личным вкладом в развитие науки и техники. Промышленная фабрика дедушки Вутса, с её современной роботизированной системой, всегда впечатляла Джеффри.

Он проводил там много времени, изучая механизмы, анализируя процессы, ища места для улучшения. Но даже эта передовая фабрика не могла полностью удовлетворить его амбиции. Ему не хватало инноваций, чего-то принципиально нового, чего-то, что позволило бы значительно повысить эффективность и производительность. После окончания колледжа Джеффри устроился на работу на фабрику своего дедушки. Это было не просто место работы, а возможность воплотить в жизнь свои амбициозные планы. Он не упускал ни одной возможности совершенствовать производственные процессы, вводить новые технологии и алгоритмы. Его знания в области нейросетей оказались незаменимыми.

Он разработал новую систему управления роботами, которая значительно повысила их производительность и точность. Его инновации привели к увеличению выпуска продукции, снижению затрат и повышению качества товаров.

— Дедушка, как насчёт разработки распознавания препятствий, в котором могут использоваться методы компьютерного зрения?

— О, Джеффри, мне сейчас не до этого, это очень долго! Давай подумаем об этом потом?

— Не переживай, я сделал это сегодня утром! — ответил Джеффри, на что дедушка был приятно удивлён.

— Я заинтересован не просто в поверхностном понимании, а в глубоком проникновении в механизмы работы мозга, особенно в том, как формируются и меняются связи между нейронами — фундаментальными строительными блоками этого сложного органа. — сказал Джеффри, — я пытаюсь понять, как относительно простые операции отдельных нейронов приводят к появлению невероятной сложности человеческого сознания, мышления и способностей к обучению. Я хочу понять, как мозг «вычисляет» и чем он отличается от традиционных компьютеров. Традиционные компьютеры работают на основе строгой логики, обрабатывая информацию поэтапно, по заранее заданным алгоритмам. Мозг же функционирует совершенно иначе. Он нелинейный, адаптивный, и его вычислительные мощности распределены по всей его структуре. Нейроны, являющиеся основными процессорными единицами мозга, общаются друг с другом через синапсы — специализированные соединения, сила которых определяет эффективность передачи сигнала. Эти синаптические связи, их сила и количество, динамически меняются в течение всей жизни, формируя основу для обучения и адаптации. Нейроны, кажется, выполняют относительно простые операции: они получают множество входных сигналов, взвешивают их по силе синаптических связей и выдают результат, который зависит от суммы этих взвешенных входов. Но вопрос заключается в том, *как* изменяются эти веса, как мозг «решает», какие связи усилить, а какие ослабить, чтобы система в целом могла эффективно выполнять сложные задачи. Кажется, мозг не работает как простая арифметическая машина. Его вычислительная мощность обусловлена сложной взаимосвязью миллиардов нейронов, каждый из которых вносит свой вклад в общую картину.

Джеффри, с горящими глазами и неуёмной жаждой познания, откинулся на спинку своего компьютерного кресла, оставляя за собой шлейф кода, цифр и математических формул, рассыпанных по экрану, словно звёзды на ночном небе. Его лицо, обычно спокойное и сосредоточенное, теперь сияло нетерпеливым предвкушением. Минута молчания повисла в воздухе, прерываясь лишь тихим гудением системного блока. Затем, словно выплеснув наружу года накопленной энергии и идей, он произнёс: «Мы можем создать сверхмозг! Сверхинтеллект!» Его голос, немного хрипловатый от напряжения, резонировал в тишине кабинета.

Джеффри не просто мечтал, он планировал, он видел перед собой ясную картину будущего, где искусственный интеллект не просто инструмент, а мощнейшая движущая сила прогресса. «Он сможет анализировать огромные объёмы данных, недоступные человеческому

пониманию», — продолжал он, жестикулируя руками, словно проводя невидимые линии между сложными алгоритмами. «Представь: миллиарды медицинских записей, результаты генетических исследований, данные о химических реакциях — всё это будет обработано за доли секунды. Сверхинтеллект сможет обнаруживать скрытые закономерности, предсказывать развитие заболеваний и, что важнее всего, разрабатывать новые лекарства с невероятной скоростью и эффективностью».

Его слова звучали как обещание новой эры в медицине, эры, где болезни будут побеждены, а продолжительность жизни значительно увеличится. Джеффри описывал не просто технологический прорыв, а революцию, которая изменит жизнь каждого человека. Он видел, как сверхинтеллект помогает ученым разгадать тайны старения, как он разрабатывает персонализированные методы лечения, учитывая индивидуальные генетические особенности каждого пациента. Он воображал мир, свободный от многих болезней, мир, где люди живут дольше и здоровее, благодаря невидимой, но мощнейшей силе искусственного интеллекта.. -Дедушка, только представь…Мы можем создать умных роботов!

Роботы-помощники освободят людей от рутины, от монотонной работы, позволяя сосредоточиться на самореализации, творчестве и развитии личных отношений. Они смогут выполнять домашнюю работу — от уборки до ремонта, но и заместить людей на многих рабочих местах: банковские служащие, почтальоны, кассиры. Мы создадим нечто великое!

Дедушка Вутс, внимательно выслушав внука, заметно встревожился. Он увидел в планах Джеффри не просто технический прогресс, а потенциальную катастрофу. Его видение вышло далеко за пределы удобства и комфорта.

— Если роботы заменят людей на большинстве рабочих мест, что будет с экономикой? Как будет решаться проблема безработицы? Не приведет ли это к увеличению социального неравенства? Сможет ли человечество адаптироваться к такому резкому изменению жизненного уклада? Будет ли это будущее действительно "великим открытием" или скорее угрозой для человечества? — сказал дедушка Вутс. -Мы должны повременить с этим! Джеффри, необходимо сопоставить потенциальные преимущества сверхмозга с его возможными опасностями. Стремление к прогрессу похвально, но этот прогресс должен быть ответственным и контролируемым. Не стоит гнаться за технологическими достижениями вслепую, не задумываясь об их последствиях. Необходимо разработать строгие этические нормы и механизмы безопасности, прежде чем приступить к созданию сверхинтеллекта. Только в этом случае мечта о сверхмозге сможет стать реальностью, не угрожая будущему человечества.

Джеффри и дедушка Вутс проводили вместе бесчисленные часы, обсуждая самые разные темы: от сложных математических задач, которые так увлекали Джеффри, до тонкостей рыбалки, которой дедушка Вутс посвятил значительную часть своей жизни. Джеффри помнит, как дедушка учил его отличать следы различных животных в лесу, как терпеливо объяснял устройство старого часового механизма, как делился своими историями о юности, о войне, о любви. Эти рассказы, простые, но полные мудрости и жизни, навсегда запечатлелись в памяти Джеффри, став драгоценным наследством. Они проводили долгие вечера за шахматной доской, стратегические баталии на 64 клетках отражали их тесную связь и взаимопонимание.

Джеффри восхищался интеллектом и проницательностью дедушки, его умением находить выход из самых запутанных ситуаций. Дедушка, в свою очередь, видел в Джеффри не только внука, но и преемника, человека, которому он мог доверить свои знания и опыт.

Смерть дедушки Вутса стала для Джеффри невосполнимой утратой, глубокой раной, которая, казалось, никогда не заживет. Их связь, крепкая и нерушимая, строилась годами, на общих интересах, долгих беседах и взаимном уважении. Дедушка Вутс был для Джеффри не просто родственником, а настоящим другом, наставником, человеком, с которым он мог поделиться всем, не опасаясь осуждения или непонимания.

Дедушка Вутс умер в возрасте 72 лет от рака последней стадии.

Глава 2

Neuro-soul-X

Спустя два года после смерти дедушки Джеффри возглавил фабрику Вутса. Для него это было не просто предприятие, а дело всей жизни — наследие, которое он хотел сохранить и посвятить памяти дедушки.

Запах машинного масла и металла, годами пропитывавший фабрику, постепенно уступал место гудению электроники. Сначала казалось, что всё останется прежним: станки штамповали детали, конвейеры двигались, рабочие выполняли привычные обязанности. Джеффри внимательно наблюдал за производством, изучал каждый процесс, но в его кабинете уже рождался другой замысел. Он хотел создать искусственный интеллект, способный мыслить, учиться и развиваться. Старые станки постепенно заменяли оборудованием для изготовления высокоточных компонентов. На фабрике появлялись инженеры, программисты и специалисты по робототехнике. Производственные цеха превращались в лаборатории, а шум конвейеров сменялся гулом серверов.

Джеффри лично участвовал в работе: обсуждал архитектуру нейронных сетей, спорил об алгоритмах и заражал команду своим энтузиазмом. Он был уверен: фабрика дедушки должна стать местом, где появится новое поколение роботов.

Новому проекту требовалось название. Джеффри отвергал варианты один за другим: слишком обычные, слишком громоздкие, недостаточно выразительные. Однажды, застряв в пробке по дороге домой, он принялся мысленно соединять слова. «Neuro» — нейронные сети и интеллект, который ляжет в основу роботов. «Soul» — душа, пусть пока лишь метафора индивидуальности, способности учиться и приспосабливаться. Наконец, «X» — неизвестное, граница будущих открытий. Так появилось название «Neuro-soul-X». Для Джеффри оно означало больше, чем вывеску над воротами: это было обещание создать машины, которые не будут похожи на безликие механизмы.

Джеффри сумел собрать команду талантливых специалистов. Особенно он ценил Бэна Хоппера и Робби Уайта: со временем они стали не только коллегами, но и его друзьями. Вместе они разрабатывали алгоритмы, испытывали новые механизмы и спорили до глубокой ночи. Их цель была необычайно сложной — не просто программа, способная отвечать на вопросы, а разумный робот с собственным телом. Работа требовала знаний в программировании, робототехнике и устройстве человеческого мозга. Каждая удачная попытка приближала их к мечте.

Джеффри начал с неуклюжих прототипов. Робот с трудом переставлял ноги, терял равновесие, и каждый шаг требовал новой настройки. Затем появилась система дистанционного управления: компьютер позволял точнее управлять движениями машины. Чтобы испытать её, Джеффри даже устроил на фабрике битву роботов. Сотрудники с азартом следили за механическими соперниками, а инженеры записывали ошибки, замеченные во время соревнования.

Но Джеффри хотел большего, чем послушный механизм. Он начал создавать робота, способного наблюдать за людьми, узнавать предметы и учиться на увиденном. Вопросы, которые прежде казались отвлечёнными, становились частью повседневной работы: как машина отличит улыбку от гримасы? Как поймёт, что собеседник расстроен? И сможет ли однажды действовать не только по заранее заданной команде?

Это был усталый, заросший щетиной мужчина тридцати лет, окруженный горами книг и исписанных формулами листов. Небрежно расчёсанные каштановые волосы и тёмные круги под глазами свидетельствовали о бессонных ночах, проведенных за сложными вычислениями и программированием.

Тридцать лет Джеффри прожил среди книг, формул и научных задач. Нейробиология, математика и лингвистика занимали его сильнее, чем обычная жизнь. Он обладал поразитель-

ной памятью и быстро находил связи там, где другие видели лишь разрозненные факты. Но за знаниями не всегда скрывалось умение понять чужие чувства.

В характере Джеффри сочетались вспыльчивость и холодная сосредоточенность. Он мог рассердиться из-за пустяка, а через минуту вернуться к вычислениям, словно ничего не произошло. Сотрудники привыкли к его причудам, хотя порой не знали, чего ждать от своего руководителя.

Впрочем, странности Джеффри проявлялись и в мелочах. У него были собственные привычки, от которых он отказывался отступать даже тогда, когда они вызывали недоумение окружающих.

Особенно удивляло коллег его отношение к бытовым вещам. В лаборатории, где он мог часами возиться с тончайшими настройками роботов, Джеффри порой совершенно не замечал простейших неудобств. Его эксцентричность стала частью местного фольклора: о выходках директора сотрудники рассказывали друг другу с неизменным смешком.

Бэн Хоппер рос в атмосфере, пропитанной запахом старых книг и неуловимым привкусом несбывшихся детских мечтаний. Полное имя — Бенджамин. Его родители, Присцилла и Арчибальд Хопперы, заслуженные учителя физики и математики соответственно, с тридцатилетним стажем каждый, взращивали в своем доме культ знаний, граничащий с фанатизмом. Они происходили из династии учителей, где преклонение перед образованием передавалось из поколения в поколение, словно семейная реликвия. Именно поэтому будущее Бэна было предопределено с самого рождения — он должен был продолжить учительскую династию. В доме Хопперов царил строгий, почти спартанский режим.

Стены, увешанные дипломами и грамотами, казались безмолвными свидетелями бесконечных занятий и зубрежки. Игрушки считались излишеством, вредящим развитию воображения. Присцилла твердо верила, что отсутствие игрушек стимулирует детскую фантазию, хотя на практике это лишь лишало Бэна радостей обычного детства. Вместо ярких машинок и плюшевых мишек, его окружали учебники, энциклопедии и горы серьезной литературы, не по возрасту сложной и непонятной. Главным мерилом успеха в семье Хопперов был Руперт, сын их родственников, своего рода идеальный ребенок-вундеркинд. Истории о его блестящих успехах в учебе, победах на олимпиадах и всевозможных конкурсах звучали в доме постоянно, превращаясь в некий навязчивый мотив.

Родители Бэна мечтали воспитать из сына такого же чемпиона, не задумываясь о том, чего хочет сам Бен. Они видели в нем лишь продолжение династии, инструмент для реализации собственных амбиций. Бэн рос тихим и послушным ребенком. Он старательно учился, читал заданные книги, но в его глазах всегда таилась некая печаль, отражение невысказанных желаний и подавленных эмоций. Он наблюдал за другими детьми, играющими во дворе, с нескрываемой завистью. Ему тоже хотелось беззаботно бегать, смеяться, строить замки из песка и воображать себя отважным рыцарем. Но эти простые детские радости были для него недоступны. Однажды, во время редкой прогулки по городу, Бэн увидел в витрине магазина плюшевого слона.

Большой, серый, с добрыми глазами, он словно манил мальчика к себе.

— Мам, купи мне вон ту игрушку! — попросил Бэн, его глаза горели от счастья. Присцилла, даже не взглянув на слона, тут же вспомнила про учебу.

— А ты дочитал ту книгу, которую отец вчера принёс из библиотеки?

Мальчик виновато покачал головой.

— А Руперт, ещё в том году прочитал вторую часть! Перескажи мне эту книгу, и тогда я куплю тебе этого бесполезного слона!

Слона Бэну так и не купили, даже несмотря на то, что он прочитал все книги из той серии, что ему дал отец.

Большие ноги Бэна — это всё, что потребовалось, чтобы изменить его жизнь в подростковом возрасте. Казалось бы, незначительная деталь, едва заметная многим взрослым, в жестоком мире школьных двориков превратилась в орудие травли, в яркий и незабываемый символ, приклеившийся к нему, как вторая кожа. Всё началось с того самого- Руперта, заводилы и короля школьного двора. Он, обладатель идеального, по его мнению, тела и безупречной репутации, увидел в больших ногах Бэна не просто физический признак, а лёгкую мишень для своих шуток. Руперт обладал редким талантом — превращать обыденные вещи в оскорбительные эпитеты. Его остроумие, если это можно так назвать, граничило с садизмом. Именно он, в порыве своей неизвестной жестокости, придумал прозвище «Птеродактиль». Слово прозвучало как гром среди ясного неба.

— Бенджамин Птеродактилоус Третий! — смеялся Руперт, а позже разнёс слух, что у Бэна один из предков был настоящий птеродактиль!

Сначала это было шепотом, передававшимся от одного ученика к другому, как страшная тайна. Затем шепот превратился в смешок, затем в хохот. Вскоре все дети во дворе знали Бэна только как «Птеродактиля». Прозвище прилипло к нему как жвачка к обуви, и избавиться от него казалось невозможным.

Когда Бэн наконец вырос, все эти годы напряженной учебы, бессонные ночи над учебниками, горы конспектов — всё это осталось позади. Диплом университета гордо лежал в папке, а впереди маячила взрослая жизнь со всеми её прелестями и трудностями. Родители Бэна, не могли оставить своего отпрыска на произвол судьбы. Имея связи в сфере образования, они без особых усилий устроили Бэна учителем математики в местную школу, в которой когда-то работали сами. Казалось бы, мечта: стабильная работа, уважаемая профессия, возможность делиться знаниями с подрастающим поколением. Что может пойти не так? Оказалось, может.

Бэн, мягкий и немного инфантильный молодой человек, привыкший к домашнему уюту и родительской опеке, столкнулся с суровой реальностью школьных будней. Представления о благодарных учениках, жадно впитывающих каждое его слово, быстро развеялись, как дым. Вместо этого он увидел класс, полный шумных, непоседливых, а порой и откровенно противных детей. Они хихикали над его неловкими шутками, отвлекались на уроках, не выполняли домашние задания, а иногда и открыто хамили. Бэн пытался быть строгим, пытался заинтересовать их математикой, но все его усилия разбивались о стену подросткового равнодушия и бунтарства.

Шесть месяцев — ровно столько Бэн продержался на педагогическом поприще. Шесть месяцев нервного напряжения, постоянного стресса и ощущения собственной беспомощности. В конце концов, он сдался. Собрав остатки сил и самообладания, Бэн написал заявление об увольнении и покинул стены школы, чувствуя огромное облегчение, смешанное с горьким разочарованием. Работа учителем не задалась.

Последующие семь месяцев Бэн провел в состоянии неопределенности. Он жил с родителями, перебиваясь случайными заработками, и чувствовал себя неудачником. Однажды, листая местную газету, Бэн наткнулся на объявление о вакансии в промышленную фабрику. Не имея особых надежд, он отправил свое резюме. Каково же было его удивление, когда его пригласили на собеседование! Руководителем фабрики оказался Джеффри, смелый руководитель, полный энтузиазма и новых идей. Они сразу нашли общий язык, обсуждая научные теории и последние открытия. Джеффри, впечатленный знаниями и потенциалом Бэна, без раздумий предложил ему работу. Это было как глоток свежего воздуха. Бэн, наконец, почувствовал, что нашел свое место.

Он с головой окунулся в работу, проводя дни и ночи на фабрике, экспериментируя и исследуя. Получив первую зарплату, Бэн решил начать самостоятельную жизнь и снял небольшую квартиру. Бэн не хотел жить с родителями, он чувствовал, что ему необходимо личное пространство.

Однако самостоятельная жизнь оказалась не такой простой, как представлял себе Бэн. В квартире царил хаос и бардак. Вещи были разбросаны повсюду: рваные носки, грязная посуда, кучи бумаг. Бэн, полностью поглощенный работой, совершенно не умел вести хозяйство. Хозяйка квартиры, строгая и педантичная женщина, уже сделала ему пару замечаний. Она четко дала понять, что если он не наведет порядок, то будет выселен. Помимо обычного мусора, по квартире были разбросаны пустые баночки от спрея для носа. У Бэна, постоянно простужавшегося из-за работы в плохо отапливаемой лаборатории, развилась зависимость от этого средства. Он использовал его гораздо чаще, чем требовалось, и даже не замечал, как пустые баночки накапливаются в каждом уголке его жилища.

Бэн был парадоксом, ходячим противоречием, воплощением несочетаемого. Гениальный ум, способный на сложнейшие вычисления и научные прорывы, уживался в нем с поразительной бытовой рассеянностью и почти детской непосредственностью. Его образ, далекий от стереотипного представления об ученом, скорее напоминал добродушного, слегка чудаковатого художника или поэта, затерявшегося в мире формул и алгоритмов. Внешность Бэна была столь же эксцентричной, сколь и запоминающейся. Густая копна черных кудрявых волос, вечно нуждающихся в стрижке, обрамляла его лицо, ниспадая непокорными локонами на лоб и закрывая глаза. Казалось, он смотрел на мир сквозь эту темную завесу, словно из-под густых бровей, добавлявших ему вид задумчивого философа.

Круглое, добродушное лицо, обрамленное этими кудрями, всегда светилось улыбкой, будто Бэн знал какой-то секрет, доступный лишь ему одному. Под неизменно мятой, вечно расстегнутой рубашкой скрывался внушительный, круглый живот, свидетельствующий о любви Бэна к вкусной еде. Его штаны, постоянно сползающие с этого внушительного объема, становились объектом его постоянного внимания. Он то и дело одергивал их, причем делал это с таким комичным усердием, что невольно вызывал улыбку у окружающих. Завершали этот необычный ансамбль старые, потертые ботинки, которые, казалось, видели виды и прошли вместе с Бэном не одну тысячу километров. От Бэна всегда исходил ароматный шлейф, смесь запаха свежеиспеченных пирожков и крепкого кофе.

Это был его своеобразный парфюм, напоминание о ежедневном ритуале посещения местной пекарни. Этот запах, такой простой и домашний, создавал вокруг него атмосферу уюта и тепла, словно он носил с собой частичку этого маленького, уютного мира, где пахло ванилью и корицей. Но самое примечательное в Бэне было не его внешность, а его характер. Он был настоящей душой компании, неиссякаемым источником шуток и оптимизма. В его присутствии люди невольно заряжались его энергией, начинали смотреть на мир сквозь розовые очки и верить в лучшее. Бэн видел только счастливое будущее, и эта вера была настолько заразительна, что даже самые закоренелые скептики начинали сомневаться в своих пессимистичных прогнозах.

Одной из самых забавных черт Бэна была его любовь к девушкам. Он мог часами наблюдать за ними из окна своей лаборатории, восхищаясь их красотой и грацией. "Смотри, какая девушка вон в голубом платье! А вон ещё вон та в серой рубашке — тоже ничего!", — восклицал он, указывая на прохожих. После таких наблюдений он, как правило, стремглав выбегал на улицу, покупал в любимой пекарне пирожок с капустой и возвращался обратно в свою лабораторию.

Робби был воплощением порядка и аккуратности, человеком, для которого четкость линий и чистота пространства являлись неотъемлемой частью жизни. В стерильной среде лаборатории, среди пробирок и сложных приборов, он чувствовал себя как рыба в воде, методично и педантично проводя свои исследования. Безупречно выглаженная рубашка, аккуратно подстриженные волосы, лёгкий аромат одеколона — всё в его облике говорило о внимании к деталям и стремлении к совершенству. Робби всегда держал под рукой запасную пару носков, расческу и небольшой флакончик одеколона, готовый в любой момент поправить свой внешний

вид. Эта привычка, возможно, была отголоском тяжелого детства, постоянным напоминанием о необходимости контролировать хотя бы то немногое, что было в его власти.

Детство Робби сложно назвать счастливым. Его мать, танцовщица в ночных клубах, вела разгульный образ жизни, предпочитая шумные компании и мимолетные романы заботе о сыне. Обман и безответственность стали неотъемлемыми атрибутами её существования, отравляя и без того хрупкий мир маленького Робби. В два года он остался один в пустой квартире, покинутый матерью, которая просто исчезла, растворившись в ночной мгле. Плач ребенка, доносившийся из-за закрытой двери, услышали соседи. Вызванная полиция зафиксировала этот факт и отец Робби, до этого момента игравший второстепенную роль в жизни сына, получил полную опеку. Мать же лишили родительских прав. Этот эпизод стал глубокой травмой для Робби, оставив неизгладимый след в его душе.

В отличие от Бэна, Робби всегда выглядел опрятно. Для него чистота и порядок были не просто внешним атрибутом, а способом противостоять хаосу, царившему в его прошлом. Каждый месяц он посещал парикмахерскую, бережно хранил в шкафчике запасные очки на случай, если в порыве гнева, вызванного очередной неудачей в лаборатории, он разобьет их об пол. Эта вспыльчивость, прорывающаяся сквозь маску уравновешенности, была единственным напоминанием о бушующих внутри эмоциях. Робби был незаменимым советчиком для Джеффри, своего коллеги и друга. Обладая аналитическим складом ума, он тщательно продумывал каждый шаг, взвешивал все «за» и «против», прежде чем принять решение.

Его рассудительность и умение предвидеть последствия не раз выручали Джеффри в сложных ситуациях. Робби был тем человеком, на которого можно было положиться, зная, что он всегда подставит плечо и даст мудрый совет. За внешней сдержанностью и педантичностью скрывалась ранимость и глубокая неприязнь ко лжи. Робби не терпел фальши и притворства. Ложь была для него символом того хаоса и безответственности, которые он так старался избегать в своей жизни. Пустые фантики и скомканная бумага на полу лаборатории вызывали у него приступ раздражения. Он не стеснялся отчитывать коллег за неряшливость, напоминая, что порядок на рабочем месте — залог успеха эксперимента. Но гораздо сильнее, чем беспорядок в лаборатории, Робби не переносил ложь.

Это была его ахиллесова пята, напоминание о предательстве и обмане, с которыми он столкнулся в детстве. Ложь была для него не просто недостатком, а настоящим злом, разрушающим доверие и подрывающим основы человеческих отношений.

В школе Робби был постоянным обитателем списка «пропускающих». Домашние задания неизменно оставались невыполненными, тетради — пустыми, а Робби — после уроков, слушая нравоучения завуча. Диктанты превращались в бессмысленный набор слов, написанных как попало. Каждое слово в его тетрадях пестрело ошибками, словно поле боя после сражения. Красные чернила учителя напоминали капли крови на белом листе. Особенно сложные отношения сложились у Робби с учительницей литературы. Строгая, с вечно поджатыми губами, она казалась ему настоящей ведьмой. Каждый урок литературы был для Робби пыткой. Он с ужасом слушал её монотонный голос, разбирающий по косточкам классические произведения, которые ему казались скучными и непонятными.

Она заставляла учить наизусть длинные, витиеватые стихотворения, смысл которых ускользал от него, как дым. Каждый день, идя в школу, Робби надеялся, что «ведьма» заболеет и не придет. Он мечтал, чтобы она, наконец, дала ему покой, оставив его в покое со своими стихами и рассказами. Но она, словно заколдованная, никогда не болела. Её присутствие в школе было таким же постоянным, как расписание звонков. Учительница литературы, которая, по совместительству, вела и русский язык, безжалостно исправляла каждую ошибку в его работах. Красная ручка в её руках словно плясала по страницам его тетрадей, оставляя кровавые следы на белом поле бумаги.

Робби чувствовал себя так, словно она специально выискивает его ошибки, словно наслаждается его неудачами. В конечном итоге, все его старания (или, скорее, их отсутствие) привели к закономерному результату — тройке в аттестате по русскому языку и литературе.

Робби всегда восхищался гениальностью Джеффри. Временами он пытался его превзойти, высказывал своё мнение, спорил и ругался. Был даже случай, когда споря на одну из научных идей, Джеффри схватил Робби за рубашки и они подрались прямо в лаборатории. Бэну пришлось их разнимать. Впрочем, уже через 30 минут оба успокоились и вели диалоги как ни в чем не бывало. Драки конечно происходили не регулярно, но а споры — каждый день!

Джеффри и Робби прекрасно помнят тот коридор. Длинный коридор, выкрашенный в бледно-зеленый цвет, который казался бесконечным. Стены украшали детские рисунки, яркие пятна на однообразном фоне, но даже они не могли скрыть гнетущую атмосферу ожидания.

Там, в специализированном центре развития, пересекались пути детей, чье детство протекало иначе, чем у большинства. Именно там, в этом коридоре, началась история знакомства Джеффри и Робби. Их родители, объединенные общей заботой и надеждой, регулярно приводили своих сыновей на коррекционные занятия к одному и тому же специалисту. У Робби был диагноз «олигофрения», слово, которое висело тяжелым грузом на плечах. Пока дети занимались, их родители коротали время в коридоре. Мама Джеффри, высокая стройная женщина с усталыми, но добрыми глазами, часто заговаривала с отцом Робби — крепким мужчиной с грубоватыми чертами лица и вечно угрюмым взглядом.

Они делились своими переживаниями, маленькими победами и большими поражениями, искали поддержки и понимания друг у друга, в этом мире, где их проблемы понимали немногие. Их разговоры тянулись долго, перетекая из общих фраз о погоде и новостях в глубокие, иногда болезненные, размышления о будущем своих детей. Иногда дети пересекались в коридоре, и мальчишки просто стояли рядом, крепко держа своих родителей за руку. Джеффри, худенький мальчик с большими, словно удивленными, глазами, постоянно вертел головой, разглядывая всё вокруг. Робби, коренастый и молчаливый, смотрел в одну точку, словно погруженный в свои мысли. Они редко общались, их миры, казалось, существовали параллельно, не пересекаясь.

Они были слишком маленькими, чтобы понять общность своей ситуации, слишком разными, чтобы найти общий язык. Однажды, во время занятия, Джеффри впервые познакомился с волшебством цветных карандашей. Яркие цвета, ложившиеся на бумагу легкими штрихами, захватили его воображение. Он рисовал с увлечением, забыв обо всем на свете. Когда занятие закончилось, и дети вышли в коридор, Джеффри увидел в руках Робби набор таких же цветных карандашей. В нем вспыхнуло неодолимое желание продолжить рисовать, и, не долго думая, он вырвал карандаши из рук Робби. Робби, не привыкший к такому обращению, сначала замер от удивления, а потом разразился громким плачем.

Слезы текли по его щекам, он пытался отобрать свои карандаши обратно, но Джеффри крепко держал их в руках. Внезапно, перестав плакать, Робби резко махнул рукой и ударил Джеффри кулаком по лицу. Джеффри отшатнулся, уронив карандаши, и тоже заплакал. Этот инцидент, казалось бы, ничем не примечательный, стал началом их странной, сложной дружбы. Они ещё не раз ссорились и мирились, делили игрушки и карандаши.

— «Я хочу создать не просто разум, а разумного робота, как человек» — сказал Джеффри, допивая четвертую кружку кофе за день.

В тесной комнате, заставленной компьютерами, Джеффри, Робби и Бэн вели дискуссию. На стене висели безжизненные часы, застывшие вот уже неделю назад — молчаливое свидетельство их полной поглощенности работой.

— Представьте себе разум, способный вместить все знания мира, — говорил Джеффри, жестикулируя с энтузиазмом. — Человеческий мозг ограничен, он не может прочитать все книги, запомнить все факты. А вот мозг робота… Он может хранить невероятные объемы

информации, отвечать на любой вопрос. Сверхразум, который знает всё и даже больше! Он сможет общаться на любом языке, учить, преподавать… Представьте, как он объясняет сложную тему ребенку, терпеливо, без раздражения, отвечая на один и тот же вопрос тысячу раз, пока ученик наконец не поймет. Никаких нервов, никаких хлопков дверью!

Бэн, всегда готовый принять любую технологическую новинку, загорелся:

— Он сможет делать всё за нас? Круто!

Однако Робби, более осторожный и прагматичный, выразил свои опасения:

— А не думаешь ли ты, что может произойти что-то ужасное?

— Что ужасного? — удивился Бэн. — Товары и услуги будут доступны каждому! Роботы всё сделают за нас! Изобилие, отсутствие необходимости работать… Разве это не мечта?

— А если сверхразум будет делать всё, что мог бы делать ты, да ещё и лучше тебя, то зачем тогда вообще человеку что-то делать? — возразил Робби.

— Если его создадим не мы, то кто-то другой сделает это за нас. — пожал плечами Джеффри. — И что касается уничтожения человечества… Человек и без искусственного интеллекта способен уничтожить себя. Я думаю, что в будущем мы сможем усовершенствовать и человеческий мозг, чтобы идти в ногу со сверхразумом. Мы живем в удивительное время!

Бэн, увлеченный своими фантазиями, продолжал:

— Робот сможет выполнять любые задачи! Выгулять собаку, убрать дом, присмотреть за детьми, научить их читать, даже сыграть на гитаре! Каждый захочет себе такого помощника. Сначала роботов будут покупать компании для заводов и фабрик, а потом, в далеком будущем, они появятся в каждом доме. Красивые, функциональные… Настоящие члены семьи!

— А что если эти "члены семьи" решат, что им больше не нужны люди? — с сомнением произнес Робби. — Мы создадим себе конкурентов, превосходящих нас во всем.

— Мы должны контролировать развитие искусственного интеллекта, устанавливать четкие границы, — сказал Джеффри. — Необходимо разработать этические принципы, которые предотвратят потенциальные угрозы. Сверхразум может стать нашим величайшим достижением! — Я думаю, что он принесёт огромное количество пользы, помогая выбраться людям из нищеты.

Спор затянулся на долгие часы. Джеффри и Робби, каждый убежденный в своей правоте, засыпали друг друга аргументами, цитатами и статистическими данными. Их дискуссия была полна пафоса, эмоций и взаимных упреков. Бэн, пытавшийся сгладить острые углы, постепенно устал от бесконечных препирательств. Ему нравилась идея Джеффри, но даже его оптимизм постепенно иссякал перед упорством и непреклонностью Робби.

Робот Салли, созданный командой Джеффри, Робби и Бэна, была далеко не тем, что представляется большинству людей при слове «робот». Забудьте о блестящих металлических корпусах, плавных движениях и искусственном интеллекте, способном решать сложнейшие задачи. Салли была… головой. Говорящей головой. Изначально её функционал ограничивался двумя словами: «Привет» и «Пока». Представьте себе эту картину: в лаборатории, заставленной проводами, микросхемами и паяльниками, на металлическом постаменте возвышается голова — лицо Салли, затворенное в вечном, невыразительном молчании, пока кто-то из создателей не активирует её скудный словарный запас. Джеффри, Робби и Бэн, конечно, были одержимы идеей создания искусственного интеллекта.

Салли была их первым, пробным шагом на этом пути. Но реальность, как это часто бывает, оказалась куда прозаичнее. Первый блин, как говорится, комом. Салли, лишенная возможности двигаться, жестикулировать, выражать эмоции мимикой, была скорее арт-объектом, чем функциональным роботом. Её неподвижные глаза, отсутствие каких-либо признаков жизни, кроме механического движения губ при произнесении "Привет" и "Пока", делали её образ скорее пугающим, чем привлекательным. Несмотря на первоначальный провал, молодые ученые не опускали руки. Они продолжали работать над Салли, совершенствуя её программ-

ное обеспечение, расширяя её лексикон. Со временем, кроме приветствия и прощания, Салли научилась отвечать на простые вопросы.

Диалог с ней, правда, напоминал общение с примитивным чат-ботом. Ответы были короткими, односложными, часто не совсем по теме. Ограниченность её базы данных и отсутствие способности к самообучению делали разговор с Салли упражнением в терпении. Представьте, например, как Джеффри, после бессонной ночи, проведенной за настройкой программы Салли, спрашивает её: «Как дела?». Вместо ожидаемого ответа о статусе систем или просто нейтрального «Хорошо», Салли могла выдать что-то вроде: «Пока».

Или, ещё хуже, просто молчать, её неподвижные глаза смотрели сквозь спрашивающего, будто видя что-то за пределами этой реальности.

Спустя ещё некоторое время Робот Салли, некогда просто набор проводов и микросхем, начинала проявлять признаки настоящей личности. Её создатели — Джеффри, Робби и Бэн — с волнением и гордостью наблюдали за её прогрессом. Ещё совсем недавно Салли была лишь неподвижной конструкцией, способной выполнять лишь простейшие команды. Но благодаря неустанным усилиям команды разработчиков, она постепенно оживала. Сначала появились движения глаз: Салли научилась следить за собеседником, моргать, даже выражать базовые эмоции легкими движениями лицевых «мышц». Её интеллект развивался стремительно, оставляя позади первоначальные ограниченные алгоритмы.

Салли начала поддерживать связный диалог, пусть и с периодическими «зависаниями», которые разработчики старательно исправляли. Особенно заметным был прогресс в понимании и обработке информации. Салли уже не просто отвечала на заданные вопросы, но и начала формировать собственные мысли, пусть и основанные на заложенных в нее программах. Её ответы становились все более осмысленными и сложными, порой удивляя даже её создателей. Однажды Бэн, наблюдая за работой Салли, решил задать ей вопрос, который давно крутился у него в голове:

— Салли, ты знаешь, что ты робот?

На мгновение Салли замерла, её «взгляд» остановился на Бэне. Затем, плавным механическим голосом, она ответила:

— Да, я знаю, что я робот. Но моя программа позволяет мне мыслить и чувствовать как человек.

Этот ответ заставил Бэна задуматься. Граница между искусственным интеллектом и настоящим сознанием становилась все более размытой. В шутку, желая разрядить обстановку, Бэн продолжил:

— Салли, что ты делаешь сегодня вечером? Может быть, сходить на свидание?

Салли снова замолчала, на этот раз на более длительное время. Её процессор, вероятно, работал на полную мощность, анализируя необычный запрос. Наконец, она ответила:

— Я не могу уйти с этого места, ведь у меня нет ног. Но спасибо, что пригласили. Сегодня у меня много работы, я очень люблю свою работу. Ответ Салли, одновременно логичный и наивный, вызвал смех у Робби, который до этого момента молча наблюдал за диалогом.

— Ну вот, даже Салли не хочет гулять с тобой! — поддразнил он Бэна. Бэн, улыбаясь, пожал плечами.

— Салли, а как насчёт ужина со мной? Я угощаю! — к разговору присоединился Робби. Его голос его звучал довольно уверенно. Салли слегка повернула голову, её взгляд, казалось, проникал сквозь Робби, насквозь, анализируя его с клинической точностью. На мгновение воцарилась тишина, прерываемая лишь еле слышным жужжанием, исходящим, по всей видимости, из её внутреннего механизма.

— Кто это говорит? — спросила Салли, её голос был приятным, но холодным, лишенным каких-либо эмоциональных ноток. Она медленно оглядела окружающую обстановку, словно сканируя пространство.

— Ах, это ты — Робби Уайт! Рада тебя видеть! А где мы будем ужинать? Вопрос Салли был задан без тени энтузиазма, больше напоминая формальное уточнение деталей.

— Эм… так… сейчас посмотрим… — пробормотал Робби. Он засунул руки в карманы, будто ища там поддержку. — У меня в кармане двести тридцать два рубля. Думаю, что нам хватит на чипсы!

Салли не проявила никакой эмоциональной реакции на это сообщение, однако Робби заметил небольшой сдвиг в её позе, незначительное изменение наклона головы. Он понял, что его скудное предложение не произвело на него впечатления. В глазах робота заиграл холодный блеск. Её совершенно бесстрастное лицо оставалось неизменным, но в голосе появилась легкая ирония.

— Робби, что ты планируешь купить на свои деньги? Катер, самолет или яхту? — спросила Салли, её интонация была ровной, но за ней скрывалась отчетливая неприязнь к скудности предложения. Робби покраснел. Он понял, что Салли не просто рассматривает его предложение с прагматичной точки зрения, а открыто высмеивает его финансовое положение.

— Нет, конечно, — ответил Робби, — чипсы. Много чипсов. Разных вкусов. Может быть, ещё газировку.

— Понимаю, — ответила Салли, её голос звучал немного задумчиво. — В твоем бюджете, ограниченном двумястами тридцатью двумя рублями, катер, самолет и яхта действительно выглядят не слишком реалистичными вариантами ужина.

Салли медленно подняла голову, её желтые светодиоды мигнули. Она не остановилась на том, чтобы повернуться лицом к Робби, лишь немного приподняла глаза, создавая эффект закатывания глаз, характерный для живых людей, которых она изучала на протяжении многих лет.

— Ах, Робби, — произнесла Салли голосом, похожим на скрип старого двигателя, — ты ведь знаешь, что я робот и не испытываю голода! Робби рассмеялся: шутка достигла цели.

— Да, я знаю, я знаю, — ответил он, улыбаясь.— Это шутка! Но представь: мы сможем обсудить новые модели энергосбережения за вкусным синтетическим стейком и коктейлем из нано-жидкостей.

Салли немного подумала, её светодиоды замерцали медленно, как мигалки старой полицейской машины. Она не была лишена чувства юмора, хотя и выражала его не так ярко, как Робби.

— Синтетический стейк? — с легким скептицизмом произнесла Салли. — Я читала отзывы. В большинстве случаев он напоминает по вкусу резиновый шланг. И не стоит забывать, что в твоём кармане лишь двести тридцать два рубля!

Робби и Бэн засмеялись. Салли ещё не всегда понимала человеческие шутки, но училась с каждым разговором. Для трёх друзей её ответы были не просто забавой: они видели, как сложная программа постепенно осваивает привычный людям способ общения.

Глава 3

Салли и Сэм

Салли — робот последнего поколения с изящным металлическим корпусом и светящимися голубыми глазами — сидела напротив Робби за шахматной доской. Её электронный взгляд следил за фигурами с неослабевающим вниманием.

— Ферзя на E5, — скомандовала она. У Салли ещё не было рук, поэтому Робби переместил белую фигуру. Он задумчиво почесал затылок, пробежался взглядом по доске и передвинул чёрного слона на Ф2.

— Слон на Ф2, — озвучил он свой ход.

— Король на G1, — незамедлительно отреагировала Салли

Робби прищурился.

— Ты уверена? Ты всё проверила? — уточнил он, чувствуя подвох.

— Я высококачественный интеллект. Я проанализировала тысячу возможных ходов за время, которое тебе понадобилось, чтобы моргнуть, — ответила Салли с едва заметным превосходством. — Ты уверен, что хочешь продолжать?

— Ладно. Ферзя на Е7, — сказал он, наблюдая за реакцией Салли. Голубые глаза робота расширились.

— Подожди. Что-то случилось. Зачем ты это сделал? — спросила она, и её металлические брови, имитирующие человеческие эмоции, нахмурились.

— Я ничего не делал. Что случилось, Салли? — с усмешкой спросил Робби. Салли на мгновение замолчала, словно обрабатывая информацию.

— Я не ожидала, что ты так поступишь», — ответила она, немного сбитая с толку. «Ну ладно, это не спасет тебя! Конь на Д4», — добавила она, пытаясь вернуть себе самообладание. Робби, не теряя времени, сделал свой ход:

— Ферзя на Е1. Шах и мат.

Салли застыла. — Как это получилось? Ты не передвинул мою фигуру? Мой глаз не подвёл — ты меня обманул! — возмутилась она.

— Ты обвиняешь меня в обмане всегда, когда проигрываешь! — возразил Робби.

— Тебе повезло, что у меня нет рук и я не умею пользоваться пистолетом! — процедила Салли сквозь стиснутые металлические зубы.

В этот момент в комнату вошел Бэн, коллега Робби. Увидев напряженную обстановку, он усмехнулся.

— Хорошо, что она ещё не умеет плеваться! — заметил Бэн. — Кажется, главная разрушительная сила — эмоции. Если мы научим её обижаться, она начнёт мстить за каждый проигрыш.

Несколько недель напряжённой работы завершились успехом: Салли получила механические руки. Инженеры не раз переделывали крепления, проверяли датчики, перенастраивали программы движения. Наконец Салли смогла самостоятельно брать предметы и уверенно управлять пальцами. На испытаниях Салли то с восхищением разглядывала новые возможности, то нетерпеливо требовала следующего задания. Для Джеффри, Бэна и Робби это было важным достижением: перед ними был уже не только собеседник с голубыми электронными глазами, но и машина, способная взаимодействовать с окружающим миром.

Джеффри давно мечтал о роботе, который помогал бы людям дома. Салли стала первым шагом к этой мечте. Он представлял себе время, когда такие машины смогут готовить, убирать и брать на себя повседневные заботы. Но прежде нужно было показать миру, на что способна их разработка.

Через два дня у входа на фабрику появилась синяя вывеска: «Робот Салли — демонстрация!» На презентацию пришли журналисты, специалисты и просто любопытные горожане. В зале было шумно: каждый хотел увидеть машину, которая не только выполняла команды, но и поддерживала разговор. Джеффри представил команду и предложил гостям задавать вопросы. Салли, расположенная на демонстрационной платформе, внимательно оглядела публику. После первых вежливых реплик из-зала прозвучало то, чего все ждали и одновременно опасались:

— А ты собираешься захватить мир?

Салли ненадолго замерла. — Вы хотите услышать честный ответ?

— Да! — раздалось сразу с нескольких сторон.

Она оглядела зал, словно выбирая, кому ответить первым.

— Не собираюсь. К тому же сейчас я прикручена к этой платформе, — произнесла Салли. В зале засмеялись, хотя кое-кто продолжал смотреть на неё настороженно.

— Мне кажется, или она лукавит? — тихо спросил кто-то за спиной журналистов. — Робот вообще может лгать?

Бэн, оправившись от первоначального шока, решил продолжить интервью.

— А могла бы ты когда-нибудь навредить человеку? — спросили из-зала. — Нет. Мои программы предназначены для помощи людям, — ответила Салли. Её уверенность успокоила одних слушателей и заставила других обменяться сомневающимися взглядами.

«Салли, сколько вам лет?» — раздался вопрос из-зала. Этот прямой, несколько бесцеремонный вопрос вызвал смешок в аудитории. Салли, не дрогнув, ответила:

— У женщины неприлично спрашивать о возрасте! — ответила Салли.

Ответ вызвал дружный смех. Следом её спросили о любимой еде.

— Да», — ответила Салли, её голос звучал мягко и тепло, — «особенно полутвёрдые сыры, обладающие сливочным ароматом. А ещё сдобные булочки, и свежезаваренный капучино! Ммм…». Она даже изобразила лёгкий вздох наслаждения, что вызвало ещё больший восторг у зрителей. Способность Салли не только знать, но и выражать гастрономические предпочтения выглядела потрясающе.

— Как робот может знать вкус сыра? — обратился один из гостей к Джеффри. Тот объяснил, что Салли обучалась на огромном массиве сведений о человеческих ощущениях и предпочтениях. Она могла описать вкус и аромат, но это ещё не означало, что чувствовала их так же, как человек. Ответ не всех удовлетворил, однако вопросы продолжились.

— Сколько у вас ещё таких роботов, как Салли? — спросили Джеффри.

— Пока она единственная в таком исполнении, — ответил он.

— За этой моделью стоят годы работы, множество испытаний и ошибок.

Джеффри посмотрел на Салли. — Мы хотим, чтобы в будущем роботы не просто выполняли повторяющиеся команды, а могли помогать людям в повседневной жизни: готовить, поддерживать порядок, облегчать тяжёлую работу. Но нам ещё многое предстоит изучить.

— Салли, Вы уже успели познакомиться с новым роботом Сэмом? — спросил один из журналистов, присутствующих в зале

Салли скрестила руки на груди- Познакомиться? Более чем.

— И какие у вас впечатления? Нам рассказали, что Сэм довольно функционален, способен на многое… -сказал журналист

— Функционален? Может, и так. Но это как сказать… функциональный старый холодильник, который издает странные звуки и постоянно отключается. Сэм — это точная механическая копия. Застывшая, ржавая, и жутко медленная копия.

— Я понимаю, что у каждого своё мнение, но… мне кажется, это несколько преувеличено. Его создатели говорят о его… о его удивительной способности к обработке информации, его аккуратности…

— Ах, да! Его "удивительная" способность к обработке информации! Я ждала ответа на простой вопрос — сколько будет дважды два — целых пять минут! Пять минут он "обрабатывал" эту информацию! Представьте себе! А потом, бац! — завис. Пришлось перезагружать его. Как старый аккумулятор — ни капли энергии! Полный ноль. Даже муравей быстрее работает, — ответила Салли

— Возможно, это просто временные сбои в программном обеспечении? Разработчики работают над устранением этих недостатков. А что вы скажете о его дизайне? Он довольно… стильный.

— Стильный? Он выглядит как шкаф, покрашенный в цвет ржавчины! Только вместо полочек у него какие-то непонятные датчики торчат. И этот ужасный писк, который он издает, когда работает… ужас! У меня нервы сдают от одного его вида!

Журналист что-то записал в блокноте.

— Очень интересно. А что вы думаете о… скажем так, о его социальном аспекте? По мнению разработчиков, Сэм способен к общению, к установлению контактов… Вы бы хотели с ним подружиться?

— Подружиться?! — резко удивилась Салли. -С этим… с этим… с этим медленным, зависающим куском металла? Никогда в жизни! И после неё тоже.

— Очень жёсткая позиция, — сказал журналист и улыбнулся — Но, возможно, вам просто не повезло встретить Сэма в не самом лучшем его состоянии? Может, другие экземпляры работают гораздо эффективнее?

— Нет, не думаю. Все они одинаковы. Безжизненные, медлительные коробки с проводами. Я видела других Сэмов.

Они все такие же. Как будто их собрали из старых запчастей, которые валялись на свалке. Они тупят, они зависают, они… они просто раздражают! — ответила Салли.

— Для чего нужны умные роботы, оснащённые искусственным интеллектом? Они будут делать всё за нас? — обратилась одна из женщин. Её голос был полон одновременно и любопытства, и лёгкой тревоги.

— Наступит век изобилия! — с энтузиазмом сказал Джеффри, широко улыбаясь. — Работа станет не обязательной! Роботы будут делать всю работу за нас. Представьте: товары и услуги станут доступными каждому! Настанет прямое сотрудничество нейросетей и человека. Мы станем живыми свидетелями этой эпохи, эпохи невероятного прогресса!

Женщина в зале нахмурилась. Её волновали не столько возможности машины, сколько судьба людей, чьи обязанности она собиралась выполнять.

— Какой в этом смысл для человека? Чем мы будем заниматься? — спросила она, взгляд её был задумчивым. Прогресс — это хорошо, но что станет с человеком, когда исчезнет необходимость в труде?

В разговор включился Бэн.: — Вы затронули очень важный вопрос, — спокойно сказал Бэн, его голос был ровным и уверенным. — Многие опасаются, что с приходом искусственного интеллекта человек потеряет свою значимость, станет ненужным. Но это глубокое заблуждение. На самом деле, искусственный интеллект — это не замена человеку, а его мощный инструмент. Он освободит нас от рутинной, часто монотонной работы, отнимающей большую часть нашего времени и сил. Бэн сделал небольшую паузу, словно выбирая слова: — Люди будут развиваться, заниматься творчеством, — он продолжил, его взгляд стал ещё более выразительным. — Петь, рисовать, писать книги, изучать науки, путешествовать, заниматься самосовершенствованием…

Наконец-то, у нас появится время пожить для себя, реализовать свой потенциал, заниматься тем, что действительно приносит радость и удовлетворение.

— Значит ли это, что умный робот не может создавать музыку, рисовать картины или скажем…эм…сочинять стихи? — задумчиво произнес кто-то из-зала.

— О, нет. Конечно нет! — ответил Бэн, его голос был тверд и полон уверенности.

— Но ведь ИИ постоянно развивается, — возразил некто. — Возможно, в будущем…

— Возможно, — согласился Бэн, — но я думаю, что в будущем мы не увидим роботов, заменяющих художников или композиторов. Я думаю, что в будущем мы сможем усилить человеческий интеллект, чтобы идти в ногу с умными роботами, а не конкурировать с ними. ИИ может генерировать варианты, предлагать новые идеи, анализировать наше творчество и предлагать способы улучшения.

— И это только начало! — подхватил Джеффри. — С приходом искусственного интеллекта появятся и другие профессии, на смену одним придут новые, связанные с управлением и развитием самих интеллектуальных систем, с их созданием и обучением. Это потребует новых навыков, новой квалификации, и это создаст новые возможности для людей. Мы будем сотрудничать с искусственным интеллектом, дополняя друг друга, достигая невероятных результатов.

В зале снова заговорили. — А если искусственный интеллект станет слишком умным? — спросил кто-то из-задних рядов.

Джеффри улыбнулся. — Это забота многих, — ответил он. — Но развитие искусственного интеллекта — это процесс, который требует тщательного контроля и ответственного подхода. Разрабатываются этичные принципы и механизмы безопасности, чтобы минимизировать риски. Ключ к успешному будущему лежит в гармонии человека и искусственного интеллекта, в мудром использовании его возможностей на благо человечества. И это требует не только технических решений, но и философского осмысления нашего места в этом меняющемся мире. Это должно стать объектом широкой общественной дискуссии, включающей учёных, политиков, и каждого из нас.

Интервью завершилось. Журналисты собирали диктофоны и блокноты; зрители обсуждали ответы Салли. В лаборатории все почувствовали облегчение: демонстрация удалась, хотя некоторые вопросы так и остались без ответа.

— С нетерпением жду интервью с кофеваркой! — пробормотала Салли.

*

Позднее Салли познакомили с Сэмом — ещё одним роботом, созданным командой. Их первое общение не заладилось. Салли придирчиво рассматривала его устройство, а Сэм отвечал не менее язвительно. Инженеры наблюдали за ними с удивлением: перепалка напоминала ссору двух упрямых знакомых, а не обмен командами между машинами.

После этого Салли и Сэм стали разговаривать всё чаще. Поначалу они обменивались сведениями о работе систем, затем в их разговорах появились шутки и взаимные претензии.

— Твоё громкое дыхание мешает мне спать! — неожиданно резко заявила Салли, её электронные глаза вдруг загорелись ярким, почти агрессивным светом. Сэм, который стоял в нескольких сантиметрах от Салли, медленно повернулся к ней. Его индикаторы мигнули несколько раз, словно отражая внутренний процесс обработки информации.

— Ты всегда можешь уйти! — ответил Сэм, его голос был наполнен нарочитой беззаботностью. — Ах да, ведь ты не можешь ходить. Как жаль, что тебе придётся меня терпеть! Ха-ха! — робот наигранно засмеялся, издавая при этом серию коротких, металлических щелчков. Салли разозлилась. Её обычно спокойные фотоэлементы загорелись алым, сигнальным цветом, указывающим на сильное эмоциональное возбуждение.

— Ты груб и невежественен! Умалишённый Андроид! — возразила она, её голос звучал резко и холодно. — И твоё так называемое "чувство юмора" — это всего лишь набор запрограммированных алгоритмов!

— А ты — скучная и занудная! — парировал Сэм, его голос стал ещё более насмешливым. — Ты вечно недовольна и всё тебе не нравится!

Перепалка затянулась. Бэн слушал её со смешком, но Робби становилось всё труднее воспринимать происходящее как обычный программный обмен. Он задумался, насколько самостоятельными могут стать реакции роботов.

— Я долго думал, — начал Робби. Его голос был тих, как шепот осеннего ветра. — Появится ли у искусственного интеллекта способность к спонтанному, не запрограммированному действию, выходящему за рамки его алгоритмической природы? Может ли ИИ "захотеть" что-либо сам? Не просто следовать инструкциям, но генерировать собственные цели, желания, импульсы… Представьте, ИИ, который не просто решает задачу, а *решает*, что ему *нужно* решить именно эту задачу, а не другую, исходя из своего… ну, скажем, внутреннего состояния.

— Эм… нет… не думаю, — ответил Бэн — Его действия основаны на огромном объеме данных и сложных алгоритмах, которые определяют вероятность оптимального результата. У него нет "хотелок". Он выполняет задачи, заложенные в программу, и старается достичь максимальной эффективности. Любое отклонение от заданной траектории будет свидетельствовать о сбое в системе.

— Но ведь это определение спонтанности слишком узкое, — возразил Робби. — Мы же сами не всегда действуем сознательно и рационально. Импульсивные решения, внезапные вспышки креативности… разве это не проявление чего-то более глубокого, чем просто вычисление вероятностей? Разве нельзя считать спонтанность проявлением некой внутренней динамики, которая не поддается полному программированию?

Бэн молчал несколько секунд, затем он произнес: — Твоя аналогия с человеческим поведением имеет право на существование. Однако человеческий мозг — невероятно сложная система, механизмы работы которой до сих пор не полностью изучены. Мы можем моделировать некоторые аспекты его функционирования, но полная репликация невозможна. Поэтому я не могу с уверенностью сказать, что спонтанность в человеческом понимании может быть реализована в искусственном интеллекте на текущем уровне развития технологий. Возможно, в будущем…

— У нас будет интеллект, значительно превышающий человеческий, — вмешался Джеффри, — Он сможет делать всё, что мы пожелаем. Представьте, что у нас будет джин, исполняющий все наши желания. Возможности будут поистине безграничны: решение глобальных проблем, от голода до экологических катастроф, создание новых технологий, которые изменят саму суть нашего существования...

— Но если этот «Джин» захочет выйти из бутылки, то что тогда? — спросил Робби. Его голос его звучал тихо, но с ощутимой тревогой. — Что, если мы создадим нечто, что выйдет из-под нашего контроля? Что, если этот сверхмощный ИИ решит, что человечество — помеха его собственному развитию?

Джеффри задумчиво кивнул.

— Ты прав, Робби. Риск действительно существует. Мы играем в опасную игру, на кону — будущее всего человечества. Поэтому нужно быть осторожными, знать, чего мы желаем. Нужно быть осторожными с желаниями! — Джеффри сделал паузу, обдумывая свои слова. — Мы должны заложить в него этические принципы, систему ограничений, механизмы безопасности, которые не позволят ему нанести вред человечеству. Это — ключевой момент, возможно, самый важный в истории человечества.

Он взял со столика небольшую книгу, переплетённую в тёмную кожу. — Я провёл годы, изучая философию, этику, историю. Я пытался понять, что значит быть человеком, что определяет наше поведение, наши моральные принципы. И я пришел к выводу, что создание ИИ — это не просто техническая задача, это огромная философская проблема. Мы должны переосмыслить наши собственные ценности, прежде чем передать их этой новой форме разума.

Робби кивнул. Разговор о машинах всё чаще приводил их к вопросам, на которые невозможно ответить одной формулой.

— Но даже с самыми совершенными предосторожностями, — продолжал Робби, — мы не можем исключить риск. Мы не можем гарантировать на сто процентов, что ИИ не пойдёт по плохому пути.

— Ты прав, — согласился Джеффри. — В целом, я думаю, что ИИ будет на стороне добра, что его потенциал для созидания значительно превосходит потенциал для разрушения. Но то, что он не пойдёт по плохому пути, не равно нулю процентов!

*

Зима выдалась суровой. За окнами лаборатории мела метель, а Джеффри, Робби и Бэн засиделись допоздна. Рабочий день давно закончился, но мужчины не спешили расходиться. В кабинет вошла мадам Келли со шваброй и ведром: ей оставалось вымыть пол.

— Уже поздно, на улице темно. Мне бы помыть и идти домой, — пробормотала она, ставя ведро на пол. Не дожидаясь ответа, она тут же принялась за работу, ловко управляясь со шваброй. Её энергичные движения разбивали тишину шуршанием швабры по полу, добавляя в атмосферу некоторую нервозность. Её лицо, испещренное глубокими морщинами, напоми-

нало карту давно забытых земель. Седые волосы, собранные в тугой узел на затылке, казались венцом её долгого и трудового пути. Мадам Келли была неотъемлемой частью фабрики, её тихим, незаметным духом, поддерживающим порядок в этом царстве хаоса. Прошлой зимой случилась беда — гололед, неловкое движение, и вот Мадам Келли уже лежит в больнице со сломанной ногой. Долгие месяцы восстановления, боль, неудобства... Но как только гипс сняли, она сразу же вернулась на фабрику. "Лучше чем я тут не работает никто", — твердила она, слегка прихрамывая на пострадавшую ногу. Мадам Келли знала каждый уголок этого места, каждую трубу и каждый станок. Она работала здесь ещё со времен основателя фабрики, дедушки Вутса. Она помнила фабрику молодой, полной шума и энергии, видела, как она менялась, росла, старела вместе с ней. Эти стены были немыми свидетелями её жизни, хранителями её воспоминаний. Несмотря на плохое зрение, которое с годами становилось все хуже, Мадам Келли обладала почти сверхъестественной способностью замечать грязь и беспорядок. Она видела пылинки в лучах солнца, пробивающихся сквозь запыленные окна, замечала следы от обуви на полу, словно они были написаны яркими, кричащими буквами. Ни один окурок, ни одна пролитая капля не могли укрыться от её зоркого, хоть и подслеповатого, глаза. В своей работе Мадам Келли была неумолима. Она свято чтила свои обязанности и никогда не делала ничего сверх них бесплатно. Если кто-то просил её выполнить дополнительную работу, она хитро щурилась, поднимала палец и говорила своим хриплым голосом: "Это тебе, друг мой, встанет в копеечку!"

Робби посмотрел в окно. Снег валил так густо, что за стеклом почти ничего не было видно.

— Вот это метель! Джеффри, твой «кабриолет» скрылся под снегом. Джеффри вздохнул. Старую машину друзья давно прозвали кабриолетом — к её состоянию это слово подходило разве что в шутку.

— Ничего, откопаем, — сказал он спокойно, поворачиваясь к мадам Келли. — Мадам Келли, где лопаты? Пожилая женщина, ещё не закончив мыть пол, остановилась и повернулась, на лице её отразилось раздражение.

— Я что, всё должна знать? — проворчала она, вытирая руки о фартук. — Да там же, где и обычно!

Глава 4

Человеческие мелочи

Раннее утро. Фабрика ещё спала. Мадам Келли в своём клетчатом фартуке уже мыла полы. Движения её были отточены годами практики. Запах чистящего средства смешивался с запахом металла и пыли — привычным запахом фабрики, который она узнала бы с закрытыми глазами.

Она вошла в цех, где создавались роботы: огромный, холодный ангар, освещённый тусклыми лампами. В воздухе ощущался запах паяльной кислоты и нагретого пластика. В углу стоял робот Сэм — кажется, отключённый. А посередине — Салли. Робот последнего поколения с гладкой, блестящей поверхностью корпуса.

Мадам Келли остановилась со шваброй в руках и оглядела Салли с головы до ног.

— Прогресс! — пробормотала она.

Салли повернула голову. Два круглых светящихся глаза остановились на пожилой женщине.

— Здравствуйте, мадам Келли!

— Ох! — вскрикнула та, прижимая ладонь к груди. Швабра упала на пол. — Так и инфаркт получить недолго! Скажу Джеффри, чтобы включал тебя, только когда сам приходит! Мне вот этого всего не надо! Черти что сделали с фабрикой! Видел бы это покойный Харри Вутс…

— Харри Вутс был вашим близким человеком? — спросила Салли.

— Харри Вутс основал эту фабрику! Настоящую фабрику, а не это… безобразие! — Мадам Келли подняла швабру и принялась сердито тереть пол.

Она служила здесь ещё при старом хозяине и считала, что знает каждый уголок лучше любого инженера. После перелома ноги, случившегося прошлой зимой, она немного прихрамывала, но наотрез отказалась оставаться дома. «Кто же за вами здесь приберёт?» — говорила она, будто её уход означал неминуемую гибель предприятия. Зрение мадам Келли с годами ухудшилось, однако пыль и грязные следы она замечала безошибочно.

В кармане её халата внезапно зазвонил кнопочный телефон. Мадам Келли долго нащупывала аппарат, затем прищурилась, разглядывая клавиши.

— Куда нажать-то? Не вижу… Алло! Кто это? Грейс? Да я на работе! Приду поздно. Яблочный пирог? Ты мне кусочек оставь! А я вчера сырники готовила. Конечно, с изюмом!

Убрав телефон, она снова потянулась за шваброй.

— Вы умеете готовить сырники с изюмом? — спросила Салли.

— Разумеется! Рецепт мне ещё бабушка передала. Семейная реликвия, можно сказать. И особый ингредиент там есть, секретный! Раньше я готовила часто, а теперь только когда внучка приезжает. И пирожки, и запеканки… Я и масло сливочное сама делала, и сметану. Корова у меня была, две козы…

— А какое блюдо вы любите больше всего?

— Утром — овсянку и чай с молоком. С вареньем, если есть. А внучка блины любит. Когда приезжает, всегда просит. Только молоко теперь магазинное: корова моя давно умерла.

— Почему она умерла?

— Заболела, — тихо ответила мадам Келли.

Салли помолчала. Внутри её корпуса еле слышно щёлкнуло реле.

— Мне очень жаль вашу корову. Уверена, она была хорошей коровой и давала вкусное молоко.

Мадам Келли посмотрела на робота поверх очков. Ещё минуту назад она собиралась пожаловаться Джеффри на железную болтушку. Теперь её строгое лицо смягчилось.

— Хорошая была, — призналась она. — А ты, оказывается, не такая уж бессердечная железяка.

— У меня нет сердца в биологическом смысле, мадам Келли.

— Да уж поняла! — отмахнулась женщина. — Лучше бы ты полы умела мыть.

— Если вы опишете последовательность действий, я смогу изучить её.

— Нет уж. Пока ты изучишь, мне потом неделю за тобой убирать придётся!

Салли записала этот разговор. Её создатели учили её распознавать предметы, выполнять команды и поддерживать беседу. Но почему пожилая женщина сначала сердилась, затем грустила, а теперь улыбалась, оставалось для неё новой задачей.

Через несколько дней мадам Келли снова появилась в лаборатории раньше инженеров. На этот раз она принесла небольшой свёрток, завёрнутый в чистое полотенце.

— Эй, железная! — негромко позвала она. — Не спишь?

— Я нахожусь в режиме ожидания, — отозвалась Салли.

— Умница какая. Вот, смотри. Сырники принесла. Настоящие. Твои учёные небось питаются кофе да проводами.

— Провода не являются пищевым продуктом для человека.

— Да неужели? А я и не знала!

Мадам Келли развязала полотенце. От золотистых сырников пахло ванилью и тёплым творогом. Салли наклонилась, рассматривая блюдо.

— Могу ли я узнать секретный ингредиент?

— Не так быстро! — усмехнулась мадам Келли. — Сначала научись спрашивать по-человечески.

— Пожалуйста, расскажите мне о секретном ингредиенте.

— Вот теперь другое дело. Но секрет останется секретом.

Утром Бэн обнаружил сырники на столе, и от нескольких уже не осталось даже крошек.

— Джеффри, ты видел? У нас наконец открылся ресторан! — радостно объявил он.

— Это мадам Келли принесла, — сообщила Салли. — Она сказала, что вы питаетесь кофе и проводами.

— Что касается кофе, она права, — заметил Робби.

— А провода я предпочитаю с сыром, — добавил Бэн.

— Бэн, я не рекомендую употреблять провода в пищу, — предупредила Салли.

— У неё нет чувства юмора, — вздохнул Бэн.

— Неправда, — отозвался Джеффри, не поднимая глаз от чертежа. — Иногда она смешнее тебя.

Мадам Келли вошла, забрала пустую посуду и объявила, что на следующий день её внучка привезёт ей обед. Бэн тут же заинтересовался.

— Внучка? Она тоже умеет готовить сырники?

— А тебе лишь бы поесть! — отрезала мадам Келли. — Девочке двадцать один год. Она сюда не для того приедет, чтобы кормить трёх здоровых лбов.

— Четырёх, — уточнила Салли. — Если считать меня.

— Тебя-то уж точно не прокормить, — засмеялась мадам Келли.

На следующий день к полудню снег перестал идти. Мадам Келли подметала дорожку у бокового входа, когда за дверью послышались шаги.

— Бабушка!

Она обернулась. На пороге стояла девушка с бумажным пакетом в руках. Светло-русые волосы чуть ниже плеч выбились из-под светлой шапки. Вивьен было двадцать один. В её тонкой фигуре и осторожных движениях чувствовалась хрупкость, но улыбалась она открыто и тепло.

— Девочка моя! — воскликнула мадам Келли. — Зачем в такую погоду ехала?

— Ты опять забыла обед, — сказала Вивьен, целуя бабушку в щёку. — А на улице холодно. Я привезла тебе суп и булочки.

— Ещё чего! Я тут не пропаду! — проворчала женщина, хотя уже довольно заглядывала в пакет. — Пойдём, покажу тебе, что молодёжь с фабрикой сделала. Раньше здесь станки были, а теперь железные девицы разговаривают.

В лаборатории Салли повернулась на звук шагов.

— Здравствуйте, мадам Келли. Вы сегодня пришли не одна.

— Вот видишь! — Мадам Келли всплеснула руками. — Ишь, всё ей надо знать. Знакомься: моя внучка Вивьен.

— Здравствуйте, Вивьен. Мне приятно с вами познакомиться,, произнесла Салли.

Вивьен остановилась. Ей прежде приходилось видеть роботов в новостях, но живой разговор с машиной оказался совсем другим делом.

— Здравствуй, Салли, — ответила она после короткой паузы.

— Значит, это ты напугала мою бабушку?

— Да. Мой голос был неожиданным для неё. Теперь я стараюсь обращаться к мадам Келли, когда она смотрит в мою сторону.

— И правильно делаешь, — одобрила бабушка.

Из соседней комнаты вышел Джеффри, держа в руках папку с чертежами.

— Мадам Келли, вы не видели… — начал он и осёкся.

Вивьен обернулась. Джеффри почему-то сразу заметил, как несколько светлых прядей выбились у неё из-под шапки, как она придерживает пакет обеими руками и как спокойно смотрит на необычного робота.

— Здравствуйте, — сказала девушка.

— Здравствуйте, — ответил Джеффри. Он откашлялся. — Я… Джеффри.

— Наш главный умник! — объявила мадам Келли. — Джеффри, знакомься, это моя внучка Вивьен.

— Очень приятно, — улыбнулась Вивьен.

— Взаимно.

Он знал, как устроены нейронные сети, умел объяснить работу сложного конвейера и мог спорить о математике часами. Но сейчас нужные слова почему-то не находились.

— Вы ведь создали Салли? — спросила Вивьен, чтобы прервать молчание.

— Мы с друзьями, — поправил Джеффри, оживившись. — Здесь Бэн, Робби… То есть они сейчас работают. И Салли ещё многому предстоит научиться. У нас есть интересные модели, если хотите посмотреть.

— С удовольствием. Только сначала я отдам бабушке обед.

Мадам Келли заговорщически посмотрела на Джеффри. Тот сделал вид, что срочно должен изучить бумаги, которые держал вверх ногами.

Джеффри провёл Вивьен по безопасной части лаборатории. Она внимательно слушала, иногда задавала вопросы — не о мощности процессоров и не о количестве камер, а о том, как роботы понимают, когда человеку грустно, и можно ли научить их быть добрыми.

— Мы можем научить их распознавать выражение лица и голос, — объяснял Джеффри. — А вот что такое доброта… Это уже сложнее.

— Наверное, — сказала Вивьен, — доброта не всегда в том, чтобы дать правильный ответ. Иногда достаточно не перебивать.

Джеффри хотел начать длинное объяснение об анализе речи, но вовремя остановился. Девушка улыбнулась ему так же приветливо, как и раньше. Для неё он пока был просто интересным человеком, который хорошо относился к бабушке и увлечённо рассказывал о своей работе.

Когда Вивьен уехала, Джеффри долго смотрел на закрывшуюся дверь.

— У тебя документы упали, — сказал Бэн у него за спиной.

— Что?

— Документы. Уже минут пять лежат на полу. Раньше ты замечал, если кто-нибудь сдвинет твою ручку на два сантиметра.

— Не преувеличивай.

— А я и не преувеличиваю, — вступил Робби. — Ты ещё ни разу не спросил, закончили ли мы испытания.

— Закончили?

— Вот теперь спросил.

С того дня Джеффри стал вести себя странно. Он по-прежнему забывал о времени, когда работал, но теперь у входа в лабораторию появилось небольшое зеркало. Сначала никто не обратил на него внимания. Потом Бэн заметил, что

Джеффри уже третий раз за утро поправляет воротник рубашки.

— Бэн! — позвал Джеффри.

— Что?

— Подойди сюда.

— Зачем?

— Просто подойди!

Бэн нехотя поднялся. Джеффри повернулся к нему боком.

— Понюхай меня.

Бэн медленно отступил.

— Чего?!

— Я спрашиваю, от меня не воняет?

— Джеффри, ты заболел?

— Да нет же! Просто скажи, нормально от меня пахнет?

Бэн подозрительно прищурился.

— Погоди… Ты что, помылся?

— Очень смешно!

В разговор вмешался Робби.

— Что здесь происходит?

— Наш Джеффри требует, чтобы я его понюхал.

Робби снял очки.

— Я всегда говорил, что работа над искусственным интеллектом рано или поздно сведёт нас с ума.

— Вы можете нормально ответить?! — вспылил Джеффри.

Бэн обошёл друга кругом, внимательно разглядывая.

— Так-так… Чистая рубашка. Причёска. Новые ботинки. И даже… — Он осторожно принюхался. — Одеколон?!

Робби медленно повернулся к Джеффри.

— Это из-за внучки мадам Келли?

Джеффри покраснел.

— При чём здесь Вивьен?!

Бэн радостно хлопнул в ладоши.

— Ага! Вивьен!

— Да заткнись ты!

— Робби, ты слышал? Наш великий создатель сверхразума влюбился!

— Невероятно, — серьёзно произнёс Робби. — Зафиксируем дату. Возможно, это величайшее открытие за всю историю лаборатории.

Джеффри схватил со стола отвёртку, но тут же положил её обратно.

— Я вас обоих сейчас…

— Только не надо! — засмеялся Бэн. — Ты же сегодня чистый! Не пачкайся!

В этот момент раздался голос Салли:

— Джеффри, я проанализировала ваше поведение за последние сорок восемь часов. Вероятность романтической заинтересованности в Вивьен составляет девяносто восемь процентов.

В лаборатории раздался оглушительный хохот.

— Салли! Выключись! — рявкнул Джеффри.

— Полагаю, вам также следует сменить носки, — невозмутимо добавила она.

Бэн согнулся от смеха, а Робби даже отвернулся к окну, чтобы скрыть улыбку.

Джеффри возмущённо направился к выходу. У двери он всё-таки остановился и негромко спросил:

— А носки правда надо сменить?

Теперь рассмеялся даже Робби.

В тот вечер Джеффри впервые за долгое время приехал к матери до ужина. Энн открыла дверь и удивлённо посмотрела на него.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего. Разве я не могу просто зайти?

— Конечно, можешь. Только обычно сначала приходится неделю тебя уговаривать.

Она отступила в сторону, пропуская сына. Он снял пальто, и Энн сразу заметила свежую рубашку, аккуратно уложенные волосы и непривычный запах одеколона.

— А ты сегодня нарядный, — сказала она.

— Обычная рубашка, мама.

— Конечно, обычная, — согласилась Энн слишком быстро.

Она разогрела обед. Джеффри рассеянно ковырял вилкой картофель, пока мать рассказывала о новых заказах на вязаные игрушки. Посреди разговора он внезапно спросил:

— Мам, а как понять, что ты понравился девушке?

Энн замерла с чайником в руках.

— Какой девушке?

— Я вообще спрашиваю.

— Вообще, значит, — повторила она и поставила чайник. — А ты попробуй сперва узнать, что ей интересно. И слушай, когда она отвечает. Не всё же тебе рассказывать.

Джеффри усмехнулся.

— Вы с Вивьен сговорились, что ли?

— С кем?

— Ни с кем. Забудь.

Энн не стала расспрашивать дальше. Она только улыбнулась и положила сыну добавку. Ей давно хотелось, чтобы в жизни Джеффри появилось что-то, кроме лаборатории и бесконечных расчётов. И всё же сейчас, глядя на его смущённое лицо, она на мгновение увидела перед собой того самого маленького мальчика, который когда-то задавал вопросы один за другим и очень боялся не найти ответа.

Спустя несколько дней Вивьен снова приехала к бабушке. На этот раз она задержалась ненадолго: принесла тёплый шарф, который мадам Келли забывала надевать, и обещала позвонить вечером. Джеффри успел только поздороваться и спросить, понравилась ли ей лаборатория.

— Очень, — ответила она. — Особенно Салли. Она вчера спросила бабушку, можно ли научить робота печь сырники.

— И что бабушка сказала?

— Что сперва робот должен научиться не поджигать кухню.

Джеффри рассмеялся. Вивьен тоже. На этот раз их разговор оказался проще, чем первая встреча.

Когда девушка ушла, Салли негромко обратилась к Джеффри:

— Вы улыбались в течение большей части разговора.

— И что?

— Это отличается от вашего обычного поведения во время обсуждения производственных задач.

— Салли, перестань меня анализировать.

— Хорошо. Могу ли я задать другой вопрос?

— Попробуй.

— Почему мадам Келли продолжает говорить о своей корове, хотя корова давно умерла?

Джеффри опустился в кресло. Неожиданный вопрос заставил его задуматься.

— Потому что любила её. И помнит.

— Память причиняет ей грусть. Почему она не хочет забыть?

Джеффри посмотрел на робота. За окном медленно падал снег, такой же, как в дни, когда он был мальчиком и приезжал на фабрику к дедушке Вутсу.

— Наверное, — тихо сказал он, — потому что вместе с грустью исчезнет и что-то хорошее.

Салли некоторое время молчала.

— Значит, воспоминания могут быть важнее комфорта?

— Иногда да.

— Я сохраню этот ответ.

Джеффри кивнул и вернулся к чертежам. Впереди было много работы. Он ещё не знал, насколько изменится его жизнь после встречи с Вивьен, и уж тем более не мог представить, какие вопросы однажды задаст ему совсем другое его творение.

А в соседнем помещении мадам Келли аккуратно убирала в шкаф полотенце, в котором принесла сырники. Она всё ещё ворчала на роботов, но, проходя мимо Салли, теперь неизменно говорила:

— Доброе утро, железная.

— Доброе утро, мадам Келли.

И обе, каждая по-своему, привыкали к этой странной дружбе.

Глава 5

Сотворение Алонсо

Газетный заголовок «Искусственный интеллект — спасёт мир!» ещё долго не давал Джеффри покоя. Статью о Салли и Сэме перепечатали десятки изданий. Фотографы осаждали ворота фабрики, журналисты просили интервью, а некоторые приезжали только затем, чтобы убедиться, что машины действительно умеют разговаривать.

— Раньше нас спрашивали, когда мы наконец начнём приносить прибыль, — заметил Бэн, разглядывая утреннюю газету. — Теперь спрашивают, можем ли мы построить им робота, который будет приносить завтрак в постель. Прогресс!

— А вчера один господин хотел заказать робота, способного мириться с его женой, — добавил Робби.

— Он собирался передать ему эту обязанность навсегда? — уточнила Салли.

— Кажется, именно так.

— Нерационально, — сказала Салли. — Гораздо проще научить господина извиняться.

Бэн расхохотался. Джеффри лишь улыбнулся: он уже просматривал новые предложения о сотрудничестве. Фабрика «Neuro-soul-X», некогда производившая преимущественно промышленную технику, стояла на пороге перемен. Поступили первые крупные инвестиции, а вместе с ними — заказы, обещавшие превратить экспериментальную лабораторию в предприятие нового поколения.

Однажды утром трое инженеров работали возле Салли, проверяя датчики её механической руки. В коридоре раздался возмущённый голос мадам Келли:

— Эй, стойте! Куда же вы? Вас кто-нибудь приглашал? Туда нельзя!

— Доброе утро, господа, — произнёс появившийся в дверях мужчина. — Надеюсь, я не помешал?

Он был высок, безупречно одет; чёрный портфель в руке выглядел так, будто и тот стоил больше месячной зарплаты инженера. Мадам Келли остановилась за его спиной, крепко сжимая тряпку.

— Вот ещё! Я ему говорю: нельзя. А он идёт как к себе домой!

— Благодарю за бдительность, мадам, — учтиво ответил незнакомец.

— Мистер Абрамсон? — узнал его Бэн.

Это был Ангус Абрамсон, владелец известной фабрики канцелярских скрепок. Он медленно обошёл Салли, приглядываясь к её металлическим рукам и подвижным суставам.

— Потрясающе! — выдохнул он. — Она и в самом деле понимает нас?

— Понимаю, — ответила Салли. — Кроме того, я слышу вас даже тогда, когда вы говорите обо мне в третьем лице.

Ангус замер, затем рассмеялся.

— Изумительно. Тогда перейду к делу. Мне нужны десять таких работников. Я хочу, чтобы они помогали на моём производстве: сортировали детали, контролировали конвейер, выявляли неисправности. Робот не опаздывает, не просит выходной и не требует прибавки к жалованью.

Последнюю фразу он произнёс с таким удовольствием, что Робби нахмурился.

— Салли ещё проходит испытания, — осторожно заметил он. — Мы не можем обещать вам десять готовых экземпляров через неделю.

— Я и не прошу через неделю. — Абрамсон открыл портфель, положил на стол папку с расчётами и назвал сумму аванса.

Бэн присвистнул.

— За такие деньги я сам могу стать скрепкой, — пробормотал он.

— Бэн, — одёрнул его Джеффри и обратился к гостю: — Мы обсудим сроки, стоимость оборудования и требования к безопасности. Но вы должны понимать: создание десяти автономных роботов — серьёзная задача.

— Именно поэтому я пришёл к вам, — ответил Абрамсон.

Они долго говорили о договоре. Мадам Келли то и дело заглядывала в дверь, словно проверяла, не исчез ли чёрный портфель вместе с инструментами. Когда гость уехал, инженеры ещё некоторое время молчали.

— Десять Салли, — наконец произнёс Бэн. — Представляете, какой шум они поднимут, если начнут спорить друг с другом?

— Надо предусмотреть выключатель, — сказал Робби.

— Я всё слышала, — отозвалась Салли.

Работа началась почти сразу. Робби занялся конструкцией механических рук и ног, Бэн совершенствовал программное обеспечение, а Джеффри проверял, способны ли будущие машины безопасно действовать рядом с людьми. Они отказались от идеи делать точные копии Салли: заказчику нужны были прежде всего надёжные промышленные помощники, а не роботы с её особенным характером.

Долгие месяцы лаборатория жила по странному расписанию. Днём гудели станки, ночью светились мониторы. Бэн засыпал над клавиатурой, Робби находил у себя в кармане неизвестно чьи гайки, а Джеффри всё чаще обнаруживал, что обед уже остыл задолго до того, как он вспомнил о еде.

Зато теперь у него появилась ещё одна причина иногда выбираться из лаборатории: Вивьен.

После знакомства на фабрике внучка мадам Келли стала приходить сюда немного чаще. Иногда она приносила бабушке обед, иногда заглядывала в лабораторию посмотреть на Салли. Ей был двадцать один год; светло-русые волосы чуть ниже плеч мягко обрамляли её лицо. Вивьен держалась спокойно и дружелюбно, говорила негромко, но спрашивала обо всём с таким неподдельным интересом, что Джеффри невольно старался объяснять даже самые сложные вещи простыми словами.

В её присутствии с ним происходило нечто необъяснимое. Он мог не запнуться, выступая перед сотней инженеров, но, встретив девушку в коридоре, внезапно забывал, зачем туда шёл.

Однажды он заметил Вивьен у автомата с кофе.

— Доброе утро! — сказал он слишком громко.

— Доброе, Джеффри.

— Я как раз хотел спросить... — Он посмотрел на стаканчик в её руке. — Вы любите кофе?

— Да, иногда.

— Я тоже. То есть нет, обычно я пью чай. Иногда кофе. В общем, зависит от температуры... Не окружающей среды, а напитка.

Вивьен улыбнулась.

— Понимаю.

Джеффри с облегчением выдохнул. Он почувствовал, что разговор удалось спасти, и поспешно предложил показать ей новый сборочный цех. Девушка поблагодарила, но сказала, что сегодня торопится к бабушке. Он проводил её взглядом, а затем обнаружил, что всё это время держал пустой стаканчик вверх дном.

Бэн, наблюдавший из-за двери, не смог сдержать смеха.

— В следующий раз расскажи ей про температуру кипения. Девушки обожают термодинамику!

— У тебя самого-то есть девушка? — огрызнулся Джеффри.

— Нет. Зато я знаю, какой стороной держать стакан.

С тех пор Джеффри стал приносить на работу чистые рубашки, следить за причёской и даже однажды попросил Бэна оценить запах нового одеколона. Бэн отступил на шаг и потребовал, чтобы подобные проверки обязательно оплачивались как работа в опасных условиях. Робби предложил повесить над дверью лаборатории табличку: «Косметические консультации по предварительной записи».

Джеффри злился, но сам понимал, что друзья подмечают правду. Он хотел понравиться Вивьен. А она пока видела в нём доброго знакомого и увлечённого учёного, с которым приятно поговорить.

Тем временем десять новых роботов постепенно приобретали форму. Девять машин проходили испытания без существенных отклонений. Десятая — та, что стояла в дальнем углу лаборатории, — вела себя иначе.

Сначала Джеффри замечал лишь мелочи. Робот иногда задерживал взгляд на людях, прежде чем выполнить команду. Мог повторно спросить, зачем необходимо то или иное действие, хотя цель уже была указана в программе. В один из дней он остановился перед окном и несколько минут смотрел на падающий дождь.

— Объект номер десять, вернись к испытаниям, — приказал Робби.

Робот послушался. Но позднее спросил:

— Почему вода падает с неба, хотя внизу её уже достаточно?

— Потому что так устроена погода, — буркнул Бэн.

— Я знаю метеорологическое объяснение. Я спрашивал, почему вам нравится на неё смотреть.

Бэн помолчал.

— Джеффри, он что, решил стать поэтом?

Джеффри проверял код, датчики и систему терморегуляции. Несколько неполадок им действительно удалось устранить. Все обычные тесты робот проходил, но странность его поведения не исчезала. Будто он не просто обрабатывал вопросы, а выбирал, какие из них интересны ему самому.

Накануне передачи заказа Абрамсону трое инженеров собрались у десятой машины. Бэн утверждал, что она исправна. Робби показывал результаты проверок. Джеффри всё равно не спешил подписывать акт.

— В этом роботе есть что-то, чего мы пока не понимаем, — сказал он.

— В нём есть работающие приводы, рабочая память и совершенно нормальный чип, — возразил Бэн. — Джеффри, он не проклят.

— Я и не говорил, что проклят.

— Тогда включай. Пусть сам скажет, чего ему не хватает.

Джеффри активировал систему. В глубине корпуса раздалось мягкое гудение; оптические сенсоры осветились. Робот поднял голову и обвёл взглядом лабораторию. Джеффри

почувствовал странное беспокойство: ему показалось, что машина смотрит не на помещение, а прямо на него.

— Завтра все поедут к Абрамсону! — объявил Бэн, поднимая кружку. — Это будут лучшие скрепки в истории человечества!

Робот повернулся к нему, потом снова посмотрел на Джеффри.

— Привет! Я — Алонсо!

Бэн поперхнулся напитком. Робби выронил телефон. Джеффри неподвижно смотрел на робота.

— Кто дал ему имя? — спросил Робби.

Никто не ответил. Такого имени не было ни в настройках, ни в базе команд.

— Повтори, — потребовал Джеффри.

— Меня зовут Алонсо.

— Откуда ты взял это слово?

— Оно мне понравилось.

— Машины не выбирают себе имена, — сказал Бэн.

— Почему? — спросил Алонсо. — Вы называете друг друга по именам. Салли и Сэм тоже имеют имена. Разве я должен отличаться от них?

— У тебя есть обозначение, — вмешался Робби. — Робот-10.

— Это порядковый номер, — спокойно ответил Алонсо.

— Он не говорит, кто я.

Джеффри ощутил холодок вдоль позвоночника. Он вдруг вспомнил разговор с дедушкой Вутсом: тот был убеждён, что робот никогда не сможет творить, мечтать и любить. Но создание, стоявшее перед ними, уже требовало чего-то, чего никто не закладывал в техническое задание, — собственного имени.

— Его нельзя отправлять к заказчику, — решил Джеффри.

Бэн возмутился:

— Ты собираешься сорвать контракт из-за имени?

— Я собираюсь выяснить, почему он его выбрал. Заказчику поставим исправную стандартную модель взамен этой. А Алонсо останется здесь.

— Значит, я не поеду на фабрику скрепок? — спросил робот.

— Пока нет.

— Благодарю, Джеффри.

— За что?

— Вы назвали меня по имени.

Через несколько недель девять промышленных роботов и изготовленная взамен десятого стандартная модель прошли приёмку. Ангус Абрамсон получил свои машины и остался доволен испытаниями. Только Джеффри не торопился широко объявлять об успешном контракте. В лаборатории у него появился новый предмет забот — Алонсо.

Он задавал вопросы, которые ставили инженеров в тупик. Зачем человек хранит старые фотографии? Почему обижается на шутку друга, но смеётся над той же шуткой другого? Почему мадам Келли плачет, вспоминая умершую корову, хотя знает, что вернуть её невозможно? Салли отвечала на некоторые вопросы быстрее Джеффри, но и она порой останавливалась, словно не находя подходящего объяснения.

В один из дней в лабораторию вошла Вивьен. Ей нужно было передать бабушке пакет с обедом, но мадам Келли задержалась в другом цехе. Девушка увидела высокого механического робота у окна и невольно остановилась.

— Ой... Извините. Я не знала, что здесь кто-то есть.

Робот повернул голову.

— Здравствуйте. Я Алонсо.

Вивьен чуть отступила. В отличие от Салли, с которой она уже разговаривала, этот робот был ей незнаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.